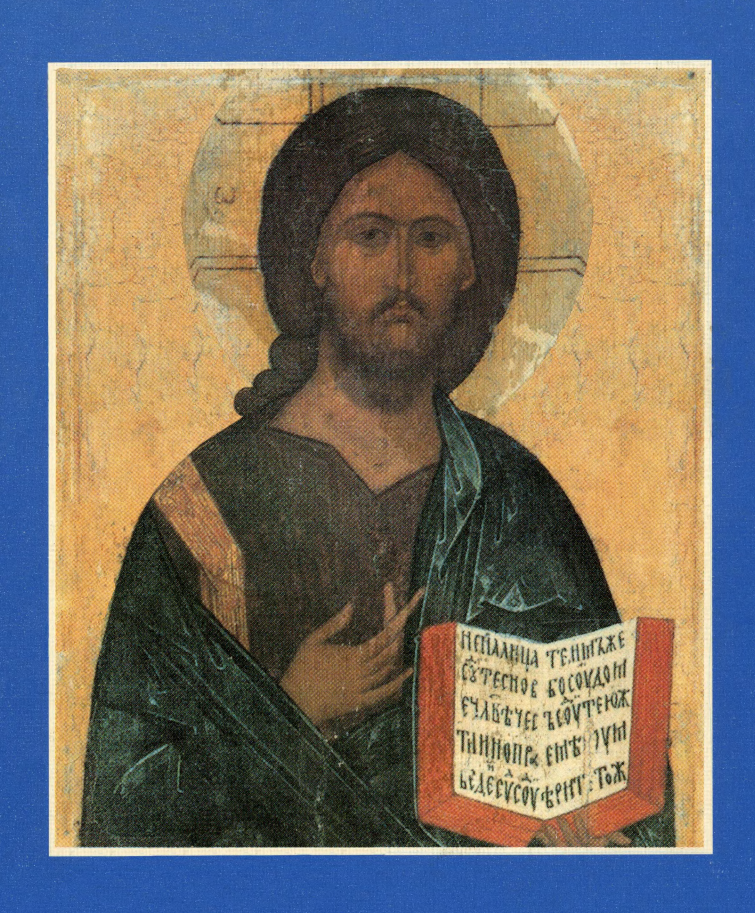

Илья Басин •

ЧТЕНИЕ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

уроки святых, подвижников, духовных учителей русской церкви •

Илья Басин

ЧТЕНИЕ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

УРОКИ СВЯТЫХ, ПОДВИЖНИКОВ, ДУХОВНЫХ УЧИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Общество друзей Священного Писания
Москва 1996

Предисловие

Каждый человек, каждая страна имеют свои, неповторимые отношения с Богом и Его Словом – Священным Писанием. В истории Библии в России сегодня открылась новая глава, и мы пока ещё не знаем, какой она будет. Собственно, это зависит от нас – читающих и исполняющих Слово здесь и сейчас. Поэтому обращение к опыту святых и праведников прошлого, встречавших Того же Христа в том же Писании, это не дань моде на всё старобытное, и не специальные занятия историка, предназначенные узкому кругу его коллег. “Мудрость разумного – знание пути своего” (Притч. 14:8), а мы призваны к тому, чтобы путь святых стал нашим путём.

Замысел этой брошюры появился после двух лекций на ту же тему, прочитанных автором зимой 1996 года в Обществе друзей Священного Писания в Москве. Именно тогда интерес моих современников и сверстников к опыту чтения Слова Божия, хранимому Русской Церковью, стал для меня очевиден. Увы, никакой систематической литературы об этом нет. Существующие исследования истории славянских и русских переводов Писания мало или почти ничего не говорят о Библии в православном благочестии. А человеку, не имеющему возможности углублённо заниматься историческими разысканиями, легче всего узнать о том, что в России веками пренебрегали Словом Божиим... На самом деле это ещё не вся правда. История Церкви показывает, как много значило для её судеб пренебрежение Словом одних (и этого пренебрежения никто не может отрицать) и любовь к Слову других. Но интересно, что среди людей, не нуждавшихся в Священном Писании, никогда не оказывалось святых!

К сожалению, некоторые скверные привычки привязчивы. Сегодня можно встретить благочестивого человека, полагающего, что Господь дал Священное Писание специ-

ально нашим братьям баптистам, а Православная Церковь может ограничиться слышанием того, что дьякон громогласно читает за литургией. Против такого отношения к Слову согласно возражают Тихон Задонский и Феофан Затворник, Нил Сорский и Серафим Саровский, Филарет Московский и Иоанн Кронштадтский. Их призыв *читать Слово Божие* должен звучать вновь и вновь. И если на страницах моей брошюры они смогут ещё раз внятно сказать всем нам о чтении Писания, я буду считать свою задачу выполненной.

Несколько слов о структуре этой книжки. После первой главы, дающей обзор чтения Писания на Руси в средние века, и после небольшого исторического экскурса в конце второй главы, я буду говорить уже только об опыте канонизированных святых, а также знаменитых праведников и церковных учителей. В известном смысле это обращение к жанру агиографическому; меня интересует не панорама, но *лики* конкретных людей. Общая картина чтения Библии (и пренебрежения Библией) в России могла бы оказаться и любопытной, и даже поучительной, насколько вообще поучительны чужие ошибки. И всё-таки учиться лучше на положительном опыте.

Поскольку тема моего повествования определена достаточно чётко, я лишь едва коснусь истории Библии в России[1] (постольку, поскольку это имеет отношение именно к *чтению*), и совсем не затрону истории русской православ-

---

[1] Об истории Библии в России см.: Н. А. Астафьев. Опыт истории Библии в России. СПб., 1889; И. А. Чистович. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899; И. Е. Евсеев. Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916; М. И. Рижский. История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978; А. А. Алексеев, О. П. Лихачёва. Библия // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). С. 68 - 83; М. Г. Селезнёв. Альтернативы Синодальному переводу? // Мир Библии. 1994. № 1 (2). С. 102 - 104.

ной библеистики[2]. Читатель, быть может, не найдёт в моей брошюре имён, особенно дорогих ему. Обширный материал требует значительно более пространного разговора, и я заранее прошу простить меня за вынужденную фрагментарность.

Пасха 1996 года
И. Б.

[2] О библеистике в России см.: Прот. А. Мень. К истории русской православной библеистики // Богословские труды. М., 1987. Сб. 28. С. 272 - 289; Н. Н. Глубоковский. Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии. [М.], 1992. С. 41 - 49, 152.

Глава 1. Свет сидящим во тьме

В Византии, от которой мы получили Священное Писание, Библия в виде единого кодекса могла быть достоянием царственных особ, епископов, богатых монастырей. Для более широкого пользования разные библейские книги переписывались отдельно друг от друга. Славянские переводы Слова Божия, появлению которых мы обязаны прежде всего святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, начали попадать на Русь с конца X века именно в раздельном виде (впервые на Руси Библия как единая книга появится только в конце XV столетия). Знакомство Киевской митрополии с Писанием шло быстро – уже в XI веке на Руси существовал основной фонд славянских библейских переводов. Средневековая Русь оставила нам около 5.000 списков ветхозаветных книг и более 10.000 списков книг новозаветных. В прошлом их было больше; время, пожары, лихолетья рукописей не щадили...

Большая часть средневековых списков библейских текстов предназначалась для чтения во время богослужения (Паремии, Апостол, Евангелие); это отразилось на конструкции и оформлении сборников служебного типа. Намного меньше дошло до наших дней списков четьего типа, то есть предназначавшихся для домашнего или келейного чтения. Нетрудно догадаться, что в течение долгого времени Слово Божие на Руси не столько читали, сколько слушали, причём именно в контексте священной мистерии византийского богослужения. Говорить о каких-либо методах чтения в данном случае затруднительно.

Впрочем, распространение "толковых" списков библейских книг, где к тексту Писания присоединены толкования, указывает на постоянно существовавший живой интерес к Слову Божию среди грамотных русичей. Вообще с самого начала крещения Руси пиетет перед книгой у наших предков был огромным; но мы мало знаем об отношении в домонгольской Руси конкретно к Священному Писанию. В

ту эпоху *священными* порою готовы были считать любые книги, имеющие отношение к вероучению, богослужению, к истории Церкви, чтимым святым и святыням.

Надо заметить, что христианская мысль средних веков легко приравнивала слово учителей Церкви, утвердивших догматы в борьбе с ересями, к Слову Божию. Это убеждение мы будем встречать и позднее, у некоторых духовных писателей и учителей XIX века. Здесь перед нами не плод невежества, а ощущение непрерывности действия Духа Божия, не только *глаголавшаго пророки*, но и сегодня с той же силой являющего Себя в Своих избранниках. Уместно вспомнить, что в Церкви сложились две интерпретации такого ви́дения Предания. Либо живое дыхание традиции понимается именно как непрекращающееся со-творчество Бога и человека, либо традиция представляется однажды всё-таки завершившейся, так что христианину остаётся лишь чтить и хранить её. Различия двух этих мировоззрений, как мы увидим в дальнейшем, всегда сказывались и на отношении к Писанию.

Библейские книги пришли на Русь, окружённые традиционными уже к тому времени комментариями; также и практику чтения Слова мы приняли традиционную. Можно с уверенностью предположить, что навык чтения Писания наша Церковь приняла из рук византийских, афонских, болгарских монахов, приходивших на Русь в X – XI веках. Кроме того, нельзя забывать о епископах и князьях, причастных византийской школе. Киевские митрополиты, как греки, так и русские, зачастую были людьми прекрасно образованными. Довольно рано появляются на Руси и князья-книжники (прежде всего надо вспомнить св. Владимира Мономаха, великого князя Киевского).

Что же касается монашества, то преподобный Антоний Печерский (XI век), родившись на Руси, принял постриг на Афоне, и вернулся в Киев, уже пройдя искус на Святой Горе. Сподвижник Антония, игумен Киевского Печерского монастыря (будущей Лавры) преподобный Феодосий, ввёл

у себя в обители устав знаменитого Студийского Константинопольского монастыря. Именно Киево-Печерский подвижник, преподобный Нестор Летописец (XI – XII век), свидетельствует, что первые иноки Киевских Пещер в чтении пророческих книг, Евангелия и апостольских писаний находили радостную возможность беседовать с Самим Богом.

К XI веку относится и история святителя Никиты Новгородского, Печерского затворника, в молодости самовольно принявшего на себя тяжёлые аскетические подвиги. Киево-Печерский Патерик рассказывает, что следствием превозношения и непослушания стала одержимость подвижника, особенно ярко проя-вившаяся в отвержении им книг Нового Завета и в показном чтении одних только ветхозаветных писаний. Молитвами всей братии святой был избавлен от тяжкого искушения.

Итак, для первых русских монахов, как и для их собратий впоследствии, критерием правильного чтения Священного Писания служит смирение, послушание духовному отцу, борьба с гордостью, самомнением, тщеславием. Чтение Слова Божия интегрировано в целостную христианскую жизнь, неразрывно связано со всеми её аспектами. В дальнейшем мы увидим, что в традиции Русской Церкви чтение Писания, аскеза, молитва, участие в таинствах, дела милосердия не разделяются, но питают и поддерживают друг друга, составляя как бы единую кровеносную систему единого организма.

Плоды византийской учёности, принесённой на Русь, не могли немедленно стать всеобщим достоянием. Тем не менее труды нескольких выдающихся писателей и проповедников, воспитанников греческой школы, должны были глубоко повлиять на самосознание молодой Русской Церкви. Речь идёт о святителях Иларионе Киевском (XI век) и Кирилле Туровском (XII век).

Святой Иларион в своём пасхальном “Слове о законе и благодати” в торжественном, приподнятом тоне говорит о

единстве и различии Ветхого и Нового Завета. Иларион читает Ветхий Завет через Новый. Этот дидактический приём неслучаен: "Слово о законе и благодати" является памятником острой полемики между христианами и иудеями в древнем Киеве. Но даже противопоставленные, Закон и Благодать не разлучены, но соотнесены, и для святителя важно их принципиальное единство в истории спасения. Этот первый урок библейского богословия, преподанный древним русичам, оказал большое влияние на дальнейшее развитие церковной мысли в Киевской Руси. Проповеди святителя Кирилла Туровского, жившего столетие спустя после Илариона, прекрасный тому пример.

Евангелие для святого Кирилла – это пища души. Чтение Священного Писания возводит сердце к добру, смиряет ум, учит целомудрию, пробуждает благодарение, всё человеческое существо устремляет на Небеса. "Потому и прошу вас, постарайтесь прилежно читать святые книги, чтобы, Божьим насытясь Словом, вечной жизни несказанного блаженства достичь..."[3]. Сам по себе этот призыв уже говорит о том, что люди, к которым обращался епископ, не были лишены возможности читать Писание.

Святитель Кирилл хочет, чтобы знание Слова не оставалось уделом немногих. Христианин – это "нашедший сокровище священных книг, а также пророческих, и псаломских, и апостольских, и Самого Спасителя Христа сохранённых речей, ум истинный, размышляющий, – уже не себе одному на спасение, но и многим другим, внимающим ему"[4].

Как занимали проблемы библейской экзегезы христиан Киевской Руси, видим из послания старшего современника Кирилла Туровского, Киевского митрополита Климента Смолятича (XII век), к некоему священнику Фоме, обви-

[3] Из "Притч" и "Слов" Кирилла Туровского // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 291.
[4] Там же.

нившему владыку в излишне "философическом" толковании Писания и в тщеславии. Климент отстаивает аллегорический метод толкования Библии: "Христос сказал святым ученикам и апостолам: "Лишь вам дано знать тайны Царства Небесного, прочим же – в притчах", – это ли, милый, философия, которою и ищу я славы у людей? Как описали евангелисты чудеса Христовы, хочу я понять правильно и сердцем"[5]. Символы, которые Климент находит в притчах Господа, он смело прилагает к современным ему событиям, но прежде всего хочет найти в них указание пути спасения.

Пожары и разорения времён монгольского нашествия не истребили ни библейских книг, ни интереса к ним. Напротив, в XIV веке в Русской Церкви появляются принципиально новые редакции славянского перевода Евангелия и Апостола. Но читателей Писания в XIV – начале XV века мы находим преимущественно в Северо-Восточной Руси, менее пострадавшей от завоевателей. Один из отцов нашей Северной Фиваиды, преподобный Кирилл Белозерский (ок. 1337 – 1427), воспитанник аскетической школы преподобного Сергия Радонежского, оставил несколько небольших ритмизованных медитаций над словами Священного Писания[6]. Эти цельные стихотворения в прозе, посвящённые спасению души, свидетельствуют о существовании в те времена практики чтения Писания, соединённого с созерцательной молитвой. В безмолвии Слово Божие рождало в сердце аскета слово человеческое...

Вряд ли это продолжение традиций раннего киевского монашества, не пережившего разгрома Юго-Западной Руси. Перед нами плоды исихазма, интенсивное влияние которого в Русской Церкви особенно ощутимо как раз в конце XIV – XV веках. К сожалению, нам очень мало известно о практике молитвочтения Писания в России, но есть основания

[5] Послание Климента Смолятича // Там же. С. 287.
[6] См.: Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Изд. подг. Г. М. Прохоров, Е. Г. Водолазкин и Е. Э. Шевченко. СПб., 1993. С. 37 - 39.

предполагать, что оно ещё долго существовало в среде иноков созерцательного склада.

О плодах такого углубления ума в Слово Божие свидетельствует воспитанник Кирилло-Белозерского монастыря преподобный Нил Сорский (ок. 1433 – 1508). Уже будучи известным старцем, Нил рассказывает в письме ученику, как ищет он в Слове Божием совета для каждого дела и каждого шага в своей жизни. "Егда бо сътворити ми что, попытую прежде Божественнаа Писаниа. И аще не обрящу съгласующа моему разуму в начинаниа дела, отлагаю то, донеже обрящу. Егда же обрящу благодатию Божиею, творю благодерзностно, яко известно"[7].

Даже если Нил и имеет в виду под Божественными Писаниями кроме Слова Божия ещё и творения учителей Церкви, он выходит далеко за рамки средневекового благочестия. Святой Нил первым в Русской Церкви начал говорить о том, что Священное Писание не только определяет общие принципы христианской жизни, не только указывает путь спасения, но может руководить человеком и во всех частных, повседневных обстоятельствах как Сила и Премудрость. Разумеется, для этого христианин должен заранее и прочитать Писание, и хорошо его изучить. Характерно, что Нил Сорский, видя оскудение исихастской монашеской традиции, готов был и руководство современными ему монахами доверить книгам, которые аскеты должны были читать в братском общении (хотя идеалом по-прежнему оставалось равновесие между книжным поучением и послушанием старцу).

Особое внимание к книге побудило святого Нила составить для своего ученика классификацию бытующих в Церкви текстов, чтобы тот мог разобраться в многочисленных "писаниях", из которых далеко не все "божественна суть".

---

[7] Г. М. Прохоров. Послания Нила Сорского // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии Наук СССР. Л., 1974. Том XXIX. С. 141.

На первое место преподобный ставит “заповеди Господня и толкованиа их”. Далее идут “апостольская преданиа”, следом – “житиа и учение святых отець”[8]. Эта градация книг указывает путь полного церковного общения: в центре – Христос Спаситель, Слово Отца, Его окружают апостолы, за ними те, кто избран для особого служения Богу и людям, друзья Жениха...

Нет сомнений в том, что сам монашеский идеал преподобного Нила – евангельская нищета – является плодом его постоянного стремления в согласии с отцами Церкви возвести свою жизнь к урокам Нагорной проповеди. “Всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне...” (Мф. 7:24).

При жизни преподобного Нила, в конце XV века, под руководством святителя Геннадия Новгородского впервые в России был составлен полный кодекс всех библейских книг, так называемая “Геннадиевская Библия”. Это крупное событие в истории Русской Церкви совпало с появлением в Новгороде кружка вольнодумцев, быстро распространившего своё влияние на Москву. Обычно явление это называют “ересью жидовствующих”, поскольку представители его сделали “открытие” – пророчества Ветхого Завета не сбылись в жизни Иисуса из Назарета, следовательно, Он не был Мессией, и надо ждать Мессию настоящего... Кроме того, еретики не находили в Ветхом Завете откровения о Троице. Такие “экзегетические” основания ереси говорят и о повышенном интересе к Священному Писанию, и об отсутствии в это время на Руси православной школы толкования Слова Божия.

Неслучайно экзегеза занимает едва ли не главное место в трудах преподобного Максима Грека (ок. 1470 – 1555). Учёный монах, аскет-энциклопедист, вызванный с Афона для помощи в переводе книг, Максим всеми силами стре-

[8] Там же. С. 142.

Преподобный Максим Грек

мился привить русскому читателю богословские и общекультурные знания. Заново переводя Псалтирь, святой Максим обращается к греческим рукописям, отказавшись от практики сличения одних только славянских списков. Он не боится и филологической критики текста. Максим стремился также переводить комментарии к Священному Писанию, которые ещё не были известны в России. При этом святой специально разъяснял своим современникам принципы святоотеческой экзегезы и методы её применения. С деятельности преподобного Максима начался новый этап знакомства Русской Церкви со Словом Божиим, но самому просветителю был уготован неправый суд и многолетнее заключение в монастырской темнице...

Судьба Максима Грека была далеко не в последнюю очередь связана с его библейскими трудами. Настороженное отношение к чтению Священного Писания существовало на Руси, вероятно, и ранее XVI века, но именно от времён Ивана Грозного дошли до нас горькие упрёки старца Артемия, бывшего игумена Троице-Сергиева монастыря. Адресованы они духовным лицам, говорившим, что грех *простым* читать Апостол и Евангелие. Артемий уверен в обратном, поскольку исполнение заповедей Господа открывает людям врата спасения. Артемий настаивает на том, что для понимания Писания необходимо предварительно пройти школу, которая должна заключаться не в одном только обучении читать и писать.

Мечтам старца Артемия не суждено было сбыться в его эпоху. Но в 1580 году в городе Остроге на Юго-Западе Руси, вне пределов Московского царства, впервые печатается полная славянская Библия. Вскоре печатный двор появляется и в Москве, где быстро наладили частое переиздание Евангелия, Апостола и Псалтири, а в 1663 году, следуя Острожскому изданию, напечатали и всю Библию.

Продукция Московского печатного двора пользовалась огромной популярностью, большие по тем временам тиражи раскупались мгновенно. Дороговизна печатных книг не

была препятствием, поскольку в XVII веке в стране сложилась система волостных библиотек, особенно прочная и разветвлённая на Русском Севере. Книги, покупаемые вскладчину, помещали в приходскую церковь (реже – в близлежащий монастырь); читали их, судя по всему, не вынося из храма. Кроме этого, книги волостных библиотек использовались в приходских школах. Надо заметить, что в ту пору на Русском Севере грамотность одних только крестьян достигала 15 %.

Труды книжников XV – XVI веков, затем – широкое распространение печатных изданий Священного Писания, наконец, уже намечающееся изменение прежнего отношения к Слову Божию как к некоему фетишу, всё это готовило переворот и в практике чтения Писания. Мы видим, как стихийно возникшие волостные библиотеки принесли Слово тем, кто был лишён возможности читать его в рукописи. Прошло ещё немного времени, и в Церкви появились учителя, призвавшие православных христиан сделать чтение Слова Божия правилом своей жизни.

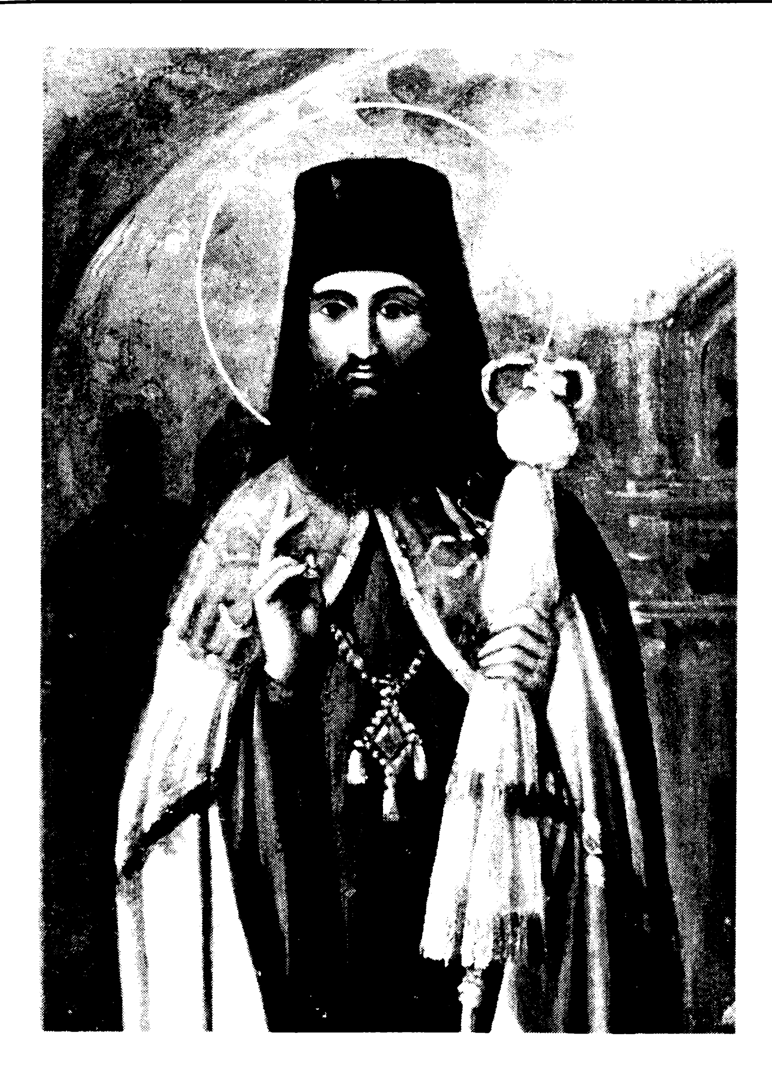
Глава 2. Писание Святое – мне и тебе!

Святитель Тихон Задонский (1724 – 1783), ранимый, хрупкий человек с пламенной и очень радостной верой, в бытность епархиальным архиереем приложил много трудов к тому, чтобы приучить священников читать и проповедовать Слово Божие. Тогда же в книге "Плоть и дух" святой систематизировал церковное учение о Священном Писании. Чтение Слова Божия насаждает и взращивает веру, укрепляет надежду и все добродетели, укореняет любовь к Богу и к ближнему, утешает, ободряет, склоняет нерадивых к покаянию, грешников обращает, наконец: "Словом Божиим вся святая Церковь в вере пребывает, утверждается и спасается помощию Того, Который глаголал пророками и апостолами"[9].

Это видение Священного Писания как универсальной основы всей жизни Церкви во всех обстоятельствах становится впоследствии одним из главных мотивов проповеди святителя. А он был именно пастырем и проповедником, учителем, другом каждой христианской души. И с тёплой интонацией человека, говорящего о самых главных и одновременно самых радостных вещах, Тихон вновь и вновь повторяет: Священное Писание дано *всем*; это *радостная весть* преступникам от простившего их Бога; с молитвой начиная читать Библию, мы найдём в ней живое слово Живого Бога, жаждущего нашего спасения. Вероятно, здесь сказывается влияние на Тихона гомилий Иоанна Златоуста; в то же время невозможно не увидеть за словами святителя глубокого личного опыта.

После четырёх лет, проведённых на Воронежской кафедре, Тихон ушёл на покой и поселился в Богородицком Задонском монастыре, где написал все свои самые извест-

[9] Св. Тихон Задонский. Творения/ 5-е изд. М., 1889 (репринт: М., 1994). Том 1. С. 180.

Святитель Тихон Задонский

ные сочинения, в частности, большой трактат "О истинном христианстве", в котором усматривают влияние одноименной книги лютеранского богослова Иоганна Арндта[10]. Спустя семь лет святитель пишет сборник притч и медитаций "Сокровище духовное, от мира собираемое". К этим книгам, пользовавшимся огромной популярностью в России прошлого века, примыкают сборники писем Тихона и небольшие статьи пастырского содержания.

Основные темы, уже намеченные в трактате "Плоть и дух" развиваются и постоянно варьируются святым. Книга "О истинном христианстве" начинается главой "О Слове Божием": в Писании открыта воля Божия о нас и о нашем спасении, поучаться в Слове и благодарить за него есть первый долг христианина. "Слово Божие как всем вообще, так всякому особенно, мне, и тебе, и другому равно предано и написано"[11]. Поэтому много грешат епископы и священники, не читающие Священное Писание сами и потому не прививающие пастве любовь к нему. Святитель Тихон прямо связывает чтение Библии и спасение: чтобы найти в мире спасаемых, надо "вычесть" из всего человечества не только нехристиан, но и христиан, не читающих Слово Божие.

Вновь и вновь святой повторяет: "Писание святое как всему роду человеческому, так всякому человеку, мне и тебе, человече, от Бога предано... Сколько бо раз или сами читаем, или служителя Божия читающа слышим, толико

---

[10] По сравнению с Арндтом (1555 – 1621) святитель Тихон полностью самостоятелен в экклезиологии, в учении о социальном служении Церкви и о светской власти, в учении об Имени Божием. Тихон игнорирует космологию Арндта, в значительной степени корректирует учение Арндта о спасении и его аскетику. Подробнее см.: Свящ. А. Салтыков. Из истории русской богословской мысли XVIII века. (Святитель Тихон Задонский и Иоанн Арндт: "Об истинном христианстве") // Тысячелетие крещения Руси. Международная церковная научная конференция "Богословие и духовность". Москва, 11–18 мая 1987 года. М., 1989. С. 299 - 304.

[11] Св. Тихон Задонский. Творения. Том 2. С. 5.

раз слышим Бога нашего, к нам беседующего"[12]. Слово Божие – дар небесный, и к чтению его надо заранее готовиться. Приступая к *Святому* Писанию, надо решительно отложить всё, что не соответствует Божьему дару. Чтение должна предварять молитва, молитву должно предварять очищение ума.

Слово Божие дано всем, но по-настоящему принять Евангелие может только покаявшийся. "Кому же убо Евангелие приличествует? Ответ: грешникам, от грехов обратившимся к Богу, за содеянные грехи болезнующим, суда Божия боящимся, печалию сокрушённым, милости Божия ищущим, и со смирением Ему припадающим... Без покаяния бо Евангелие ничего не пользует. Евангелие бо утешение нам приносит. Но на что тому утешение, который печального и сокрушённого сердца не имеет?"[13]

Именно поэтому святитель уделяет большое внимание чтению Ветхого Завета. Тихон многократно говорит о том, как важно для спасения души знать Закон Моисеев, обличающий совесть грешника. Гнев Божий движется на беззаконие и неправду человека... Но сердцу сокрушенному уже приготовлена весть о прощении – Евангелие. Это воистину надежда безнадежным. Только прими волю Божию из Закона – и прощение Божие из Евангелия, и тогда силою Святого Духа в твоё сердце вселится спасающая вера. Тихону известно таинственное, всеохватывающее воздействие Евангелия на сердце... "Как христианин от веры, так вера от Евангелия начинается. Без Евангелия бо не может быть вера..." [14].

"От сего видишь, как нужно нам знать Закон Божий и Евангелие Его святое, и в них поучаться, дабы от Закона познать грехи своя, и за них каяться сокрушенным сердцем, а от Евангелия святого живое и действительное почер-

---

[12] Там же. Том 3. С. 180, 187.
[13] Там же. Том 4. С. 163.
[14] Там же. Том 3. С. 6.

пать утешение... Закон научит тебе, что должен ты, христианин будучи, делать, и обличит, в чём проступился и проступаешься: но Евангелие не попустит тебе отчаятися, и падающего удержит, и изнемогающего укрепит. Слава Богу о всём!"[15].

И вера, и благочестие для святителя Тихона неотрывны от Писания. Когда святой размышлял о практических основаниях для добродетельной жизни, то находил их в Слове Божием, чтении и исполнении его. Последняя тема вообще для Тихона очень важна; Писание дано не для праздного любопытства, но для исполнения всей жизнью.

Человек, верой обручённый Христу, вошедший в Церковь, пребывающий в общении Святых Христовых Тайн, строит свою жизнь по Священному Писанию, им руководствуется в ежедневном покаянии, в нём находит Лик Христа-Учителя. "Хощеши ли убо, христианине, учитися свято и по-христиански жить, – а неотменно нужно, когда хощеши Христовым быть, быть истинным христианином, а не ложным – то предложи пред собою святое Евангелие и непорочное житие Христово, и учись от того"[16].

Радость о даровании людям Священного Писания и благоговение перед ним – постоянные мотивы созерцаний святителя Тихона. Это проявляется даже в мелочах. Например, когда друг просит написать ему что-нибудь для укрепления веры, святой садится за письмо об истинности Священного Писания.

Итак, Библия – это универсальный путеводитель ко Христу, проповедь, обличение, ободрение. Кроме того, в Библии сокрыта ещё и возможность таинственной личной встречи с Богом-Спасителем. Неудивительно, что сам Тихон знал все четыре Евангелия наизусть. Ежедневно за обедом келейник читал ему вслух Ветхий Завет; особенно святитель любил Книгу пророка Исайи. Нелишне вспом-

---

[15] Там же. Том 5. С. 89.
[16] Там же. Том 4. С. 201.

нить, что Тихон был в числе тех немногих русских архиереев XVIII века, которые осознали необходимость перевода всего Священного Писания на разговорный русский язык. Хорошо зная еврейский и греческий, Тихон хотел было уже и сам взяться за этот труд, но оставил свой замысел, когда почувствовал, какое негодование в самых разных кругах – от церковной администрации до крестьян-старообрядцев – должна вызвать его инициатива...

Задонский пастырь не был совсем одинок в своей ревности о Слове Божием. Вехой в истории Библии в России стала новая редакция церковно-славянского перевода Писания, опубликованная в 1751 году при императрице Елизавете Петровне и получившая название "Елизаветинской"[17]. В течении полувека Елизаветинская Библия переиздавалась почти ежегодно. В Славяно-греко-латинской Академии, основанной в Москве (под другим названием) ещё в 1685 году, во времена святителя Тихона трудилась целая плеяда библеистов, давших новый импульс изучению и толкованию Писания в России. Стали появляться новые комментарии к библейским книгам, и хотя порой они были весьма несамостоятельны и копировали западные образцы, русский читатель всё же получал всё больше возможностей не только *слышать* Слово Божие за Литургией, но и *понимать* его.

Для умножения любви к Священному Писанию в духовном сословии много сделал Московский митрополит Платон (Левшин) (1737 – 1812). О чтении Слова Божия заботились и в светских учебных заведениях. Например, в Московском Университете в 1770-х годах студенты при поступлении должны были давать подписку в том, что они обязуются, наравне с "хранением верности императрице", "чрез ближайшее чтение книг Ветхого и Нового Завета просвещать и освящать сердце своё спасительными истина-

[17] Этот текст Библии (с небольшими исправлениями) до наших дней используется в богослужении Русской Православной Церкви.

ми евангельского учения"[18]. В 1809 году было опубликовано первое в России руководство, посвящённое принципам библейской экзегезы – "Драхма от сокровища Божественных Писаний Ветхого и Нового Завета" архиепископа Феоктиста (Мочульского). Наконец, в начале XIX века в Духовных Академиях вводится самое серьёзное изучение Священного Писания всеми учащимися.

Но всего этого оказалось мало, чтобы средневековое отношение к чтению Священного Писания изменилось бы в масштабах всей Церкви и всей страны. Религиозность находила своё выражение преимущественно во внешней стороне богопочитания; обращаться к "святым книгам" чаще всего приходилось старообрядческим начётчикам, вынужденным вести постоянную полемику с государственной Церковью. Людей, чья вера действительно укоренена в Слове Божием – таких, как украинский поэт и философ Григорий Сковорода, – мы насчитаем в XVIII веке совсем немного.

Аристократия либо платила дань вольнодумству, либо смотрела на Писание сквозь призму внецерковной мистики, преимущественно масонской. XVIII век был эпохой культурного перелома и острого антиклерикального кризиса, и в первую очередь это сказывалось на русской знати. "Старина", от которой с лёгким сердцем отворачивался тогда дворянин, в его сознании чрезвычайно прочно была связана с Церковью, с историческим Православием. Когда в начале следующего, XIX века, в годы религиозного пробуждения, Библия всё же вернулась на некоторое время в высшие слои общества, это произошло уже без участия Церкви.

Ничего удивительного здесь нет. Вспомним все бедствия и искушения, постигшие Православие в России в XVII – XVIII веках. Раскол старообрядчества, медленное и му-

---

[18] М. Т. Белявский. Школа и образование // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Часть 2. С. 287.

чительное подчинение епископата авторитарному государству, секуляризация церковных владений, болезненный социально-культурный перелом в обществе... Что же обнаружили эти испытания? Трагическую неспособность Русской Церкви в течение почти двух столетий дать адекватный ответ на вызов истории. В результате в глазах многих людей оказались в равной степени дискредитированы как духовенство, так и сам принцип церковного учительства.

Крепче, нежели аристократия, хранило уважение к Священному Писанию более традиционное по своему жизненному укладу купечество и крестьянство. Здесь книжное знание и книжную культуру во многом поддерживало старообрядчество. Надо заметить, что вопреки расхожему мнению, крестьяне в те времена не были поголовно неграмотны (особенно заметно распространение грамотности среди крестьян Русского Севера).

Но поскольку крестьянская книжность продолжала средневековую традицию, очень трудно сказать, насколько отчётливо благочестивый читатель XVIII века выделял Слово Божие из общего потока религиозно-дидактической литературы. Воспринималась ли, например, Псалтирь, по которой учились читать многие поколения русских людей, чем-то отличным от других, не менее популярных в народе сборников молитв и богослужебных текстов – от Каноника, Часослова?

Итак, регулярное осмысленное чтение Священного Писания и в XVIII, и в XIX веке оставалось в России занятием, быть может, и почтенным, но уж чересчур необычным, если не сказать диковинным... Сейчас мы увидим, что через сорок лет после смерти святителя Тихона преподобный Серафим Саровский вынужден буквально уговаривать посетителей его отшельнической кельи читать Слово Божие.

Глава 3. XIX век: преподобные, отшельники, старцы

Жизнь Церкви в России сложилась таким образом, что на протяжении долгого времени учителями народа были не епископы, а *духовники*, чаще всего – монахи, старцы знаменитых обителей. Поэтому и уроки чтения Слова Божия русский человек в XIX веке получал прежде всего из живой беседы со своим духовным отцом. Впрочем, уже оптинские старцы ведут обширную переписку, а Макарий Глухарёв, который был не монастырским старцем, но миссионером, говорит нам о Священном Писании личным подвигом учёного-библеиста. Не устные беседы, но литературные труды оставил после себя и Игнатий Брянчанинов. Появление святителя в числе монахов и старцев не должно удивлять читателя: святой Игнатий был прежде всего отшельник и молитвенник, наставник небольшой группы аскетов. Рассказывать о нём в главе, посвящённой епископам, значило бы увлечься формальными признаками подвига святого; духовно и душевно Игнатий, проведший на кафедре только четыре года, принадлежал уединённому скиту.

Преподобный Серафим Саровский (1759 – 1833)

Младший современник святителя Тихона, преподобный Серафим покинул мир в ранней молодости, но подобно многим предшественникам – и Сергию Радонежскому, и Тихону Задонскому – святой не лишил братьев и сестёр в миру милующей любви. В Саровской пустыни Серафим провёл не всю свою монашескую жизнь. В зрелом возрасте он много лет жил отшельником в лесу, а вернувшись в монастырь, провёл годы в полном затворе. В 1810-20-х годах Серафим вышел на общественное служение; необы-

Преподобный Серафим Саровский

чайные харизмы, дары Святого Духа, полученные святым, сделали его светочем Христа для множества людей.

Те, кто устремлялись к аскету-духоносцу, приносили с собой и просьбы, и житейское горе, и желание исповедаться, и жажду духовного обновления, и праздное любопытство... Поэтому советы преподобного Серафима (и это относится вообще ко всем советам аскетов и старцев) сегодня должны читаться с учётом того, что давались они конкретному человеку, в конкретной ситуации, о которой мы зачастую слишком мало знаем.

Преподобный Серафим постоянно спрашивает своих посетителей, читают ли они Священное Писание. Ответы он слышит, как правило, отрицательные... Но преподобный настаивает: надо читать. Настоятель монастыря, например, без постоянного чтения Слова Божия вообще неспособен выполнять свои обязанности. Впрочем, призыв Серафима обращён в равной степени и к монахам, и к мирянам.

За несколько дней до смерти преподобного в Саров приехал некий паломник, мирянин, оставивший подробную запись своей беседы с Серафимом. "Я спросил ещё: что прикажет он мне читать? и получил ответ: "Евангелие по 4 зачала[19] в день, каждого евангелиста по зачалу, и ещё жизнь Иова"[20]. Далее, когда речь зашла о доверии тем или иным учителям духовной жизни, Серафим сказал:

---

[19] ***Зачала*** – цельные смысловые фрагменты, на которые разделены Евангелие и Апостол для чтения за богослужением. Евангелие от Матфея разделено на 116 зачал, от Марка – на 71 зачало, от Луки – на 114 зачал, от Иоанна – на 67 зачал. Апостол (Деяния и Послания), имеющий общий, сквозной счёт зачал, разделён на 335 фрагментов. Апокалипсис за богослужением Православной Церкви не читается.

[20] Архим. Серафим (Чичагов). Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губ. Ардатовского уезда с жизнеописанием основателей её: преподобного Серафима и схимонахини Александры, урожд. А. С. Мельгуновой/ 2-е изд. Спб., 1903 (репринт: М., 1991). С. 434 - 435.

"Довольно одного Ангела-хранителя, от св. купели нам данного... Однако же сам разум имей и Евангелие читай"[21].

Существует пространное поучение Серафима о питании души Словом Божиим; не совсем ясно, сам ли преподобный написал этот текст, или же мы имеем дело с записью его беседы, сделанной другим лицом. Но поскольку точно известно, что наставления Серафима перед публикацией подверглись святителем Филаретом Московским существенной правке, надо обращать внимание прежде всего не на букву, но на общий дух этого текста.

"Душу снабдевать надобно Словом Божиим... Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири; Евангелие и Послания Апостолов должно читать *стоя* пред св. иконами, а псалмы можно читать сидя... Надобно так обучить себя, чтобы ум как бы плавал в Законе Господнем, по руководству которого должно устроять и жизнь свою. Очень полезно заниматься чтением Слова Божия в уединении и прочитать всю Библию разумно. За одно таковое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своею милостию, но исполнит его дара разумения"[22].

Не следует забывать, что Серафим не был старцем в нынешнем понимании этого слова, то есть он не брался за руководство чужой жизнью, не определял все *можно* и *нельзя*. Даже сёстры основанной им Дивеевской мельничной общины получали от преподобного не строгую регламентацию мыслей и поведения, а призыв к христианской жизни и постоянное утешение на своём тернистом пути. Поэтому об отношении Серафима к чтению Писания его личная практика говорит больше, нежели данные им советы.

В течении десятилетий Серафим читает Слово Божие ежедневно; Новый Завет с Псалтирью он постоянно носил с

[21] Там же. С. 436.
[22] Там же. С. 64 - 65.

собой в котомке за плечами. Правило чтения у преподобного менялось. В начале своего отшельничества, то есть в последние годы XVIII века, Серафим прочитывал за день по нескольку зачал (иначе говоря, примерно по полглавы или по главе) из Евангелия и из Апостола с молитвенным размышлением о прочитанном. Позднее, во время полного затвора, святой читал Писание следующим образом. В понедельник прочитывалось полностью Евангелие от Матфея, во вторник – от Марка, в среду – от Луки, в четверг – от Иоанна, затем в пятницу и субботу святой читал Деяния и Послания, в воскресение же Серафим причащался Святых Тайн.

Это чтение Писания в затворе перед иконами особенно примечательно. Святой читает, молясь, и молится, читая; в его практике нет строгой грани между умно-сердечной Иисусовой молитвой и чтением Слова Божия. Монахи, с любопытством заглядывавшие в келью затворника сквозь щели в двери, видели, что "иной раз он сидел над книгой, не перебирая листов, будучи весь погружён в созерцание чистой возвышенной мысли Св. Духа. Ни один орган тела его не шевелился, очи неподвижно устремлены были на один предмет"[23].

Проходя вместе с Христом его земными дорогами, преподобный Серафим за неделю совершал весь путь от Благовещенья в Назарете, через Вифлеем и Голгофу, Гроб Воскресения и Сионскую горницу Пятидесятницы до начала апостольского служения Церкви. И в седьмой день своего духовного паломничества Серафим встречал Господа в Евхаристической Трапезе.

Георгий Затворник (1789 – 1835)

Аскет и созерцатель Георгий Алексеевич Машурин в 1818 г. после одиннадцатилетней военной службы поселил-

[23] Там же. С. 108.

ся в Задонском Богородицком монастыре, где в предыдущем столетии жил на покое святитель Тихон. Вскоре Георгий Алексеевич ушёл в затвор, посвятив себя аскетическим подвигам, непрестанной молитве, чтению Библии и отцов Церкви. Со временем у Георгия установилась обширная переписка с мирянами, а также с монахинями и подвижницами в миру.

В этих письмах мы найдём множество упоминаний о Слове Божием. Вся жизнь христианина должна строиться по Писанию, которое освещает путь человека, так что с Библией он уже никогда не заблудится. Слово Божие прогоняет уныние, очищает чувства, открывает нам волю Христа Спасителя, показывает, как поступать в конкретных житейских положениях, озаряет сердце и соединяет человека с Богом. Георгий рекомендует ежедневно читать по одной главе из Евангелия и из Апостола, прибавляя столько псалмов, сколько позволяют обстоятельства. Чтение должна предварять молитва кроткого сердца. Георгий внимателен к проблеме разноголосицы всевозможных толкований: грешно принимать те из них, которые противоречат толкованиям Церкви.

За всеми советами подвижника стоит глубоко индивидуальное мистическое созерцание. Взволнованно говоря о Слове Божием, Георгий называет его водой для стада Христова, руководством христианина не только в этой жизни, но и в будущей. Подобно преподобному Серафиму, Георгий очень высоко ценит чтение Библии в сочетании с молитвой – все монастыри мира, по Георгию, были созданы именно ради этого занятия.

Одной из своих духовных дочерей, подвижнице Марье Петровне Колычевой, Георгий писал: “Благонамеренные Ваши посещения св. храмов московских временноприятны! Но уединённое занятие в размышлении и поучении Св. Писания с тайною молитвою может Вас соделать вечным храмом предвечного Зиждителя, Которым назидаемые,

христиане в Нём соединяются, любят друг друга и делаются одной душой в Душе Христовой"[24].

Итак, чтение Слово Божия, соединённое с созерцательной молитвой, не только руководит жизнью христианина во всех обстоятельствах, но и низводит Бога в сердце человека. *Боговселение*, обожение, эту высшую цель христианской аскезы сопрягал с чтением Священного Писания и Серафим Саровский; впоследствии мы найдём тот же мотив у святителя Иннокентия Московского.

Преподобные Лев (1768 – 1841) и Макарий (1788 – 1860) Оптинские

Преподобный Лев – первый оптинский старец, преподобный Макарий – его ученик и преемник. Оба они находятся в непосредственной связи с преподобным Паисием Величковским, вернувшим Русской Церкви полузабытый опыт древних отцов монашества. Так же, как и Нил Сорский, жители скита при Оптиной пустыни погружены в чтение мистико-аскетических трактатов, так же стремятся они не только читать, но и исполнять. Оптинские преподобные не практикуют собеседование со Словом Божиим, подобно святому Нилу, но чтение Евангелия и Апостола входит в ежедневное молитвенное правило оптинского скита, а исполнение евангельских заповедей осознаётся Львом и Макарием как основа христианской жизни вообще и монашеской в частности. Публикуемую в Приложении "Схему ежедневного чтения Священного Писания Нового Завета" старцы Оптиной пустыни распространяли уже в XIX веке; история этой "Схемы" восходит если и не ко Льву и Макарию, то по крайней мере к их ученикам.

---

[24] Письма в Бозе почивающего затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия, с присовокуплением краткого известия о жизни его, составленныя из записок живших при нём келейных, собранныя Козельской Оптиной пустыни монахом Порфирием Григоровым. М., 1995. С. 247.

Святой Лев, и особенно святой Макарий окормляли не одних только иноков, но и мирян, поэтому именно с них начинается знаменитое "русское старчество". Педагогика Льва, Макария и их преемников направлена на кропотливое устроение духовной жизни человека, причём оптинские старцы сохраняют всю специфику монашеского делания. Жажда спасения, жажда "разрешиться и быть со Христом" (Флп. 1:23) ищет одного – смирения, потому что "если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное" (Мф. 18:3). Смирение же – плод очищения ума и сердца, непрестанной молитвы, ежедневного аскетического подвига, вдохновляемого Духом Божиим. Идя по этому пути, инок должен иметь руководителя, опытного старца, а также обращаться к книгам древних отцов монашества.

В такой системе Священное Писание являет заповеди Христа, возбуждает в сердце веру и надежду, но все особые проблемы аскетического пути, достаточно многочисленные, христианин решает всё же с помощью аввы Дорофея и Иоанна Лествичника, Варсонуфия Великого и Исаака Сирина. При этом никакого принципиального различия между Священным Писанием и святыми отцами усмотреть уже невозможно. Человеку, ищущему спасения, всякое душеполезное чтение идёт на пользу, и это практическое соображение делает несущественным и неинтересным выяснение разницы между Словом Божиим и словом Предания. Надо заметить, что такой утилитаризм может *психологически* принижать ценность Слова Божия. Ведь Библия – это только одна книга, а отцы Церкви оставили нам целую библиотеку...

На жалобу послушника, не нашедшего среди братии Оптиной пустыни собеседников для исследования Писания, преподобный Лев отвечает: "Где смирение у них, там и простота, а сия божественная отрасль не испытывает судеб Божиих; она только верою повинуется и до времени довольствуется только теми понятиями, которые ей открывает вера. Не будет Бог о том послушника испытывать, почему

он не богословствовал, но почему не внимал себе. ...Разум, просвещённый светом Божиим по мере веры, выше всякого учения, ибо, естественно, разум изобрёл учение, а не учение – разум"[25]. Но столь же несомненно для Льва и то, что Слово Божие, читаемое с молитвой и благодареньем, согревает охладевшую душу.

Характерная деталь: Лев запрещает послушнику делать пометки на страницах Писания. "Назначенные тобою заметки неприметным образом рождают в сердце следы высокоумия, черты пагубнейшей гордости. Это познано из опыта. Когда Бог мира озарит истинным светом память твою, тогда и без замечаний будешь помнить, где о чём писано..."[26].

В многочисленных письмах преподобного Макария, опубликованных после его смерти, красной нитью проходит одна тема: "Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать" (Иак. 4:6; 1 Петр. 5:5). Если у христианина нет смирения, то всё бесполезно – и его молитва, и пост, и любое чтение... "Страх Господень научает мудрости, и славе предшествует смирение" (Притч. 15:33). Поэтому, когда речь заходит о книгах, Макарий вновь и вновь рекомендует читать тех древних аскетов, которые могут научить нас смирению. В письмах к монахам о каком-то ином чтении вообще почти не говорится; в письмах к мирянам Священное Писание упомянается чаще, но только вместе с книгами святых отцов.

Духовное учение, противостоящее мирской философии, содержится в Евангелии, писаниях Апостолов и учителей Церкви. Поскольку Христос и Глава Церкви, и краеугольный камень её, то и все церковные установления основаны на Слове Божием. Далее, в Писании и книгах отцов человек найдёт истину и жизнь, пищу души, бальзам для душевных ран, поскольку в Новом Завете мы познаём заповеди

[25] Первый великий старец Оптинский иеромонах Леонид (в схиме Лев). Шамордино, 1917 (репринт: Оптина Пустынь, 1994). С. 162.
[26] Там же. С. 169.

Спасителя, а отцы Церкви говорят нам о страстях и добродетелях. Но читать христианин должен со смирением, "а то хотя весь разум Писания будете иметь, но с самомнением никакой пользы не обрящете, ибо враг умеет строить подсады и прельщать таковых мнимым утешением..."[27].

Отсюда вытекает и требование читать Писание через отцов, толковавших Слово Божие Тем же Святым Духом, Которым оно было написано. "Чтение отеческих книг очень нужно и полезно к познанию воли Божией; ибо отцы, читая Слово Божие, в Святом Писании нам преданное, исполнили оное и прошли деятельною жизнию, оставя нам пример в своих учениях. Не читая оных, не знаете образа жизни и борьбы, и, думая, что читая сам Слово Божие, могу оное исполнять, и не смиряетесь; а читая, познаёте путь, тщитесь к исполнению, но, не достигая мер их, познаёте свою немощь и смиряетесь, и получаете милость Божию, которая особенно на смиренных простирается"[28].

Поскольку чтение Слова Божия для Льва и Макария Оптинских подчинено общим правилам монашеского делания, то и критерием правильного чтения, как мы это видели в истории святителя Никиты, Печерского затворника (XI век), служит смирение, отсечение своей воли и строгая дисциплина ума и сердца. Вне этих добродетелей ничто, в частности и чтение Слова Божия, не может быть ни рекомендовано, ни одобрено.

Преподобный Макарий Алтайский (1792 – 1847)

Труды библеистов XVIII века не пропали даром. В начале XIX столетия в просвещённой церковной среде вопрос о переводе Священного Писания на русский язык

[27] Собрание писем блаженныя памяти Оптинского старца иеросхимонаха Макария. Письма к мирским особам. М., 1862 (репринт: СПб.,1993). С. 29.
[28] Там же. С. 30 - 31.

вызывал большой энтузиазм. Святой Макарий, великий миссионер, человек апостольского духа, был увлечён идеей перевода Слова Божия ещё в бытность студентом Петербургской Духовной академии. Позднее, на Алтае, он перевёл на язык своей паствы Евангелие, избранные места из Деяний, Посланий, из книг Ветхого Завета. Но параллельно с миссионерской работой святой в одиночку завершал дело, начатое в 1813 году Российским отделением Библейского Общества. В 1818 - 1822 годах уже был напечатан русский перевод Нового Завета и Псалтири, но политическая реакция времён Николая I остановила работу на тридцать лет. В отличии от святителя Филарета Московского, речь о котором пойдёт ниже, преподобный Макарий не хотел ждать...

Горячее желание святого дать своим соотечественникам "русскую Библию" укреплял опыт его миссионерской работы. Макарий осознал обращение нехристианских народов Российской империи великой задачей Церкви; но широкой миссии должно предшествовать истинное обращение русского народа. "Если и для российской Церкви необходимо нужна благодать духа апостольского для возрождения столь многих племён, не знающих Спасителя человеков Иисуса Христа, то первое и главное, чего надлежит ей желать, – есть возбуждение в российском народе охоты читать Св. Писание; первое же и главное средство к сему – есть издание полной Библии на российском языке в переводе с оригинальных"[29].

Дух Церкви – любовь к Богу и людям во Христе Иисусе. Дух святой любви происходит от веры, а вера от Слова Божия. Поэтому с широким распространением доступного для народа текста Писания Макарий связывает и благотворные перемены в самой Церкви. Наконец "русская Библия" станет источником живой воды для "вертоградов наук и

---

[29] Письма архимандрита Макария Глухарёва, основателя Алтайской миссии. Казань, 1905. С. 164.

искусств". Сеяние Слова Божия должно принести столь обильную жатву, что Макарий писал даже царю о благотворном воздействии, которое Священное Писание может произвести на всё общество и на всю страну.

И у церковных, и у светских властей постоянные ходатайства святого о возобновлении работы над русским переводом Писания вызывали только раздражение. Когда же Макарий стал присылать в Петербург собственные опыты (а перевёл он почти весь Ветхий Завет), на святого была наложена епитимия. Петербургский митрополит предлагал упрятать беспокойного миссионера в монастырскую тюрьму, но в конце концов дело ограничилось перемещением преподобного с Алтая в Орловскую епархию.

В рассказах о жизни Макария мы видим, как сам он подаёт пример отношения к Священному Писанию. Святой ежедневно читает Евангелие и Послания, строит свою практику духовника на Слове Божием, призывает духовных детей жить по Евангелию. В связи с проблемой разноголосицы библейских толкований преподобный настаивает на том, чтобы Библию толковали через саму же Библию, которая есть гармоничное целое, содержащее в себе все необходимые ключи для экзегезы.

Подобно Тихону Задонскому, Макарий любит подчёркивать воспитательное значение контраста книг Ветхого и Нового Завета. Их несходство показывает, как на грех и немощь человека (Ветхий Завет) Бог отвечает великой любовью Креста и Воскресения (Новый Завет). Подобно Нилу Сорскому, Макарий ищет основания для своей жизни в Писании, ставя послушание Слову чрезвычайно высоко. Не следует думать, что при этом преподобный был равнодушен к отцам Церкви; он переводил и древние мистико-аскетические трактаты, в частности Иоанна Лествичника и Феодора Студита. Перевод "Лествицы" Иоанна, выполненный Макарием, высоко оценили оптинские старцы.

Преподобный Парфений Киевский (1790 – 1855)

Молитвенник, созерцатель Пресвятой Богородицы и Её страждущего Сына, Парфений много лет жил в полузатворе, пользуясь покровительством Киевских митрополитов. В конце жизни, получив откровение свыше, он оставил уединение и уже вскоре стал одним из самых знаменитых киевских духовников. Преподобный Парфений, как и преподобный Серафим, в течение всей жизни читал Евангелие ежедневно, включая его в своё молитвенное правило. То же самое он завещал и своим духовным детям, мирянам и монахам. Даря им экземпляры Евангелия, преподобный делал на книгах надписи:

"Вот тебе передаю благодать – святое Евангелие. Совершай прочтение в седмицу четырёх Евангелистов единожды, да сподобишися благодати и разума Божия истинного и добрую кончину получити, вечного наслаждения, видением трёх ипостасей, сияющих в Божестве единосущнем, не лишишися".

"Прийми сию заповедь от мене, недостойного: совершай прочтением в две недели всех четырёх Евангелистов. Сия книга есть мати всех книг, также она есть молитва над молитвами, и есть управитель в Царствие Небесное, и в разум истинный на земле человеков приводит, и сподобляет зрети Бога сердцем ещё во плоти, а лицем к лицу в грядущем веце удостоивает наслаждатися сладким видением Святыя Троицы".

"Вот тебе заповеданное правило иноческое: от сна восстав – акафист Спасителю, а ко сну отходя – Богоматери и пять кафизм в сутки; Евангелие всё в две седмицы, а каноны предай Церкви"[30].

Чтение Священного Писания есть одновременно и молитва, потому что ведёт христианина навстречу Богу, даю-

[30] Жизнеописание преподобного старца Парфения Киево-Печерского. Наставления. Ежедневная молитва. М., 1993. С. 44 - 45.

щему Духа Усыновления. Ум и сердце читающего Слово Божие воспринимают благодать, уже не оставляющую человека ни в этой жизни, ни в будущей. Встреча с Христом в Евангелии, происшедшая сегодня, продолжается созерцанием Пресвятой Троицы в Царствии... Всё это открылось Парфению в его собственном мистическом опыте, в многолетней практике непрестанной Иисусовой молитвы, соединённой с чтением Евангелия, поэтому свидетельство преподобного обладает особой достоверностью.

Святитель Игнатий Брянчанинов (1807 – 1867)

Ученик святого Льва Оптинского, молитвенник и подвижник, стремившийся вернуть монашеское делание к его древним истокам, святой Игнатий – автор этюдов “О чтении Евангелия” и “О чтении святых отцов”, вошедших в первый том его “Аскетических опытов”. Статьи эти составляют как бы два раздела одного текста, и потому рассматриваться они должны вместе. Сама сдвоенность Евангелия и творений отцов Церкви уже много говорит о подходе святителя к Писанию.

Библейские авторы и отцы были вдохновлены одним и тем же Духом, а потому Писание и Предание (в данном случае – святоотеческое наследие) составляют единое целое, и не могут быть разделены. Далее, лишь толкования отцов Церкви вдохновлены тем же Духом, что и Священное Писание, а Православная Церковь приемлет лишь толкование Духом Святым. Поэтому следует читать только комментарии отцов, понимая Писание согласно святоотеческой экзегезе; на этом Игнатий особенно настаивает.

“Святые Отцы научают, как приступать к Евангелию, как читать его, как правильно понимать его, что содействует, что препятствует к уразумению его. И потому сначала более занимайся чтением святых Отцов. Когда же они научат тебя читать Евангелие: тогда уже преимущественно читай Евангелие. Не сочти для себя достаточным чтение

одного Евангелия, без чтения святых Отцов! Это – мысль гордая, опасная"[31].

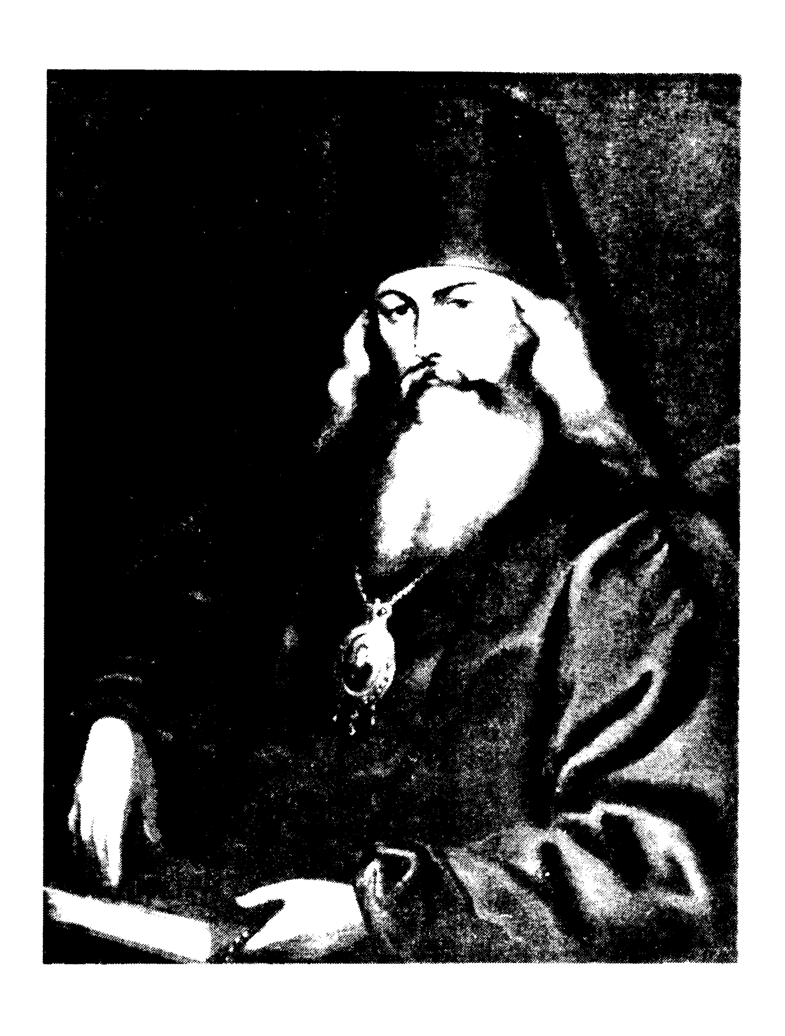
Особенно внимателен святитель к мистической стороне экзегезы; труды комментатора, не стяжавшего Духа Святого, не только бесплодны, но и опасны... Охранительный пафос Игнатия питается ревностью о стяжании Духа, отцов Церкви он почитает именно как духоносцев. Быть может, поэтому Игнатий и не затрагивает проблему расхождениях разных школ святоотеческой экзегезы, не говорит о принципе "согласии отцов". Богоносцы, то есть люди, вступившие в опыт обожения, учат читать Писание не только своим словом, но и примером. Соответственно, и приготовление к чтению Священного Писания для святого Игнатия есть аскетический подвиг.

Человек, открывший Евангелие, оказывается в самом средоточии духовной борьбы. Путь свой он должен начать молитвой. В Евангелии ему следует искать только Истину, а не восторги или наслаждения, соблазняющие христианина (мы можем вспомнить Одиссея и сирен, хотя эти образы совсем не в духе святителя Игнатия). "Оставь греховную жизнь, оставь земные пристрастия и наслаждения, отрекись души своей, тогда сделается для тебя доступным и понятным Евангелие"[32]. Вообще условием чтения Евангелия по Игнатию является глубокое покаяние, а величайшим даром Святого Духа становится совершенное раскрытие Евангелия человеческому разуму и исполнение евангельского слова читающим. Последнее для святителя и есть собственно плод чтения. Евангелие – книга жизни, и читать её надо жизнью.

Вслед за преподобным Пахомием Великим, Игнатий настоятельно рекомендует заучить Евангелие наизусть. Говоря об этом, он показывает, что речь его адресована вовсе не одним только аскетам: "Евангелие, принадлежащее

---

[31] Еп. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты/ 2-е изд. СПб., 1886 (репринт: М., 1993). Том 1. С. 111.
[32] Там же. С. 108.

Святитель Игнатий Брянчанинов

памяти, читается слепым, узнику сопутствует в темницу, говорит с земледельцем на ниве, орошаемой его потом, наставляет судию во время самого присутствия, руководит купца на торгу, увеселяет больного во время томительной бессонницы и тяжкого одиночества"[33].

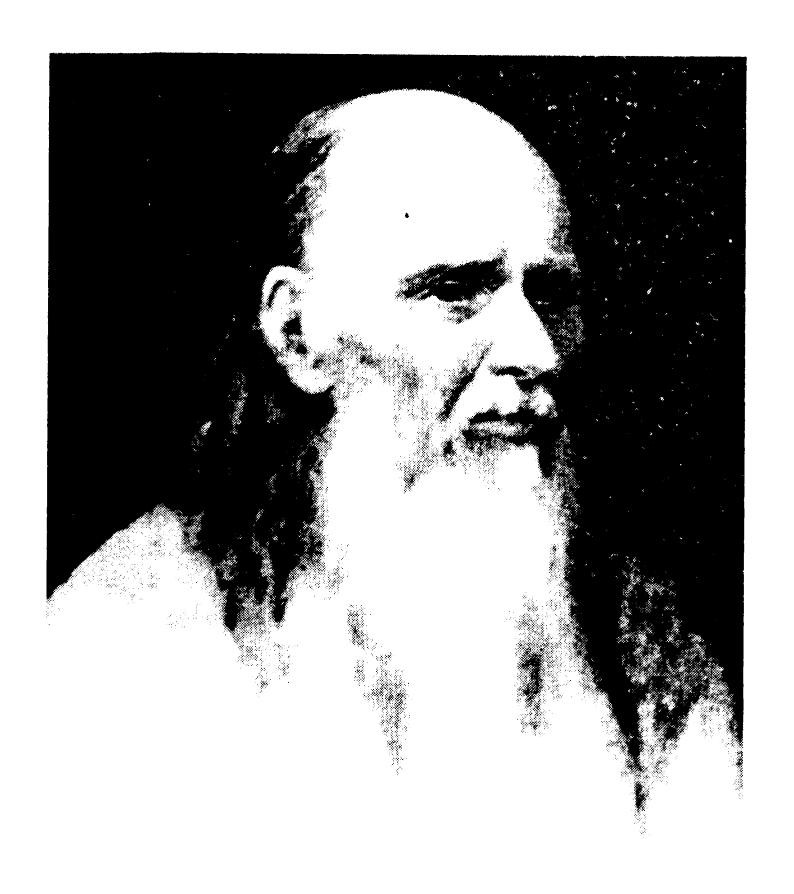
Но свою программу чтения Писания святитель всё же выстраивает именно как систему аскетики. В этом отношении он вполне традиционен, но в отличии, например, от святителя Тихона, Игнатий, говоря в связи с чтением Евангелия об аскезе, ничем иным, кажется, уже не заинтересован. Стремление к чистой молитве, жажда богообщения в Святом Духе главенствуют в его жизни над всем остальным.

Похожее отношение к чтению Священного Писания мы видели у оптинских старцев, впоследствии встретим его и у других представителей монашеской традиции, преимущественно связанной с преподобным Паисием Величковским. Интересно, что святитель Тихон, преподобный Серафим, преподобный Парфений, Георгий Затворник, которые в отличии от оптинцев и Игнатия не принадлежали к школе преподобного Паисия с её пафосом возвращения к отцам монашества, *мистически* рассматривали Библию по-другому, хотя в общей, доктринальной оценке Священного Писания и те, и другие были, конечно же, согласны.

Преподобный Амвросий Оптинский (1812 – 1891)

Ученик преподобного Макария, знаменитый оптинский старец Амвросий окормлял уже во второй половине столетия, в 1860-1880-х годах, множество народа. Сотни его писем свидетельствуют о многогранной деятельности "народного старца", но как раз о практике чтения Священного Писания мы найдём в них немного. Прежде всего надо сказать о рекомендации некоей даме, искавшей духовных

[33] Там же. С. 107 - 108.

Преподобный Амвросий Оптинский

книг, которые предназначались бы не для одних только монахинь, но и для мирян: "Почаще читай Евангелие от Матфея от начала 5-й главы до конца 10-й, и старайся жить по сказанному там. Тогда и найдёшь порядок в своей жизни, и стяжешь успокоение души твоей"[34]. Как и в случае святителя Тихона, видим твёрдое убеждение – Евангелие дано для чтения и исполнения всем.

Монахине, искавшей духовного руководства или хотя бы более опытную монахиню-собеседницу, Амвросий писал: "Мне жаль тебя, очень жаль, а положительно и утвердительно сказать ничего не могу, касательно духовного отношения. Пока [не] найдёшь это отношение, руководись заповедями Евангельскими; на них опираясь, смотри, что делается внутри тебя..."[35]. Опыт, подсказавший святому Амвросию дать этот совет, явно тождественен опыту святого Нила Сорского.

Наконец, стремясь примирить обиженную монахиню с её недоброжелательницей, преподобный даёт две рекомендации: по заповеди Господней молиться за обидчицу и "почаще и подолгу читать Евангелие, особенно от Иоанна. Читать так, чтобы только твои уши слышали, понимаешь, не понимаешь – читай. Благодатное слово Евангельское сильно прогонять скуку и уныние, и успокоить тебя; только читай побольше и подольше..."[36].

Характерно, что даже в столь скупых советах находит себе место уже знакомая нам тема воздействия Слова Божия на читающего как бы помимо его сознания. Хотя старец и не даёт в своих письмах какой-то специальной мето-

---

[34] Собрание писем блаженныя памяти Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к мирским особам. Сергиев Посад, 1908 (репринт: М., 1995). Часть I. С. 26.

[35] Собрание писем Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к монашествующим. Сергиев Посад, 1909 (репринт: М., 1995). Вып. I. С. 67.

[36] Там же. Вып. II. С. 86.

дики чтения Писания, очевидно, что сам он испытал действительно огромную силу Слова. Возможно, что это результат употребления уже упомянавшейся "Схемы ежедневного чтения Священного Писания Нового Завета", публикуемой в Приложении. В таком случае за различием между Макарием и Амвросием Оптинскими в их подходе к чтению Писания следует видеть разницу *личного опыта* двух святых.

Мы не знаем, кто из оптинских старцев благословил использование и распространение этой "Схемы", и к кому восходит правило её применения. Большинству посетителей Оптиной рекомендовалось ежедневно читать одну главу Евангелия. Люди более грамотные должны были прибавлять положенное количество глав из апостольских писаний. Искушённые могли присоединять ещё и по три главы из Ветхого Завета ежедневно. Таким образом за год четыре раза прочитывался весь Новый Завет и один раз Ветхий Завет.

Глава 4. XIX век: епископы Церкви

Епископы в России часто оказывались настолько стиснуты государственной властью, что от этого страдало и их учительное служение. Тем не менее в Русской Церкви не иссякали архиереи, писавшие книги для паствы, подобно святителям Димитрию Ростовскому и Тихону Задонскому. Литературное наследие выдающихся иерархов XIX века достаточно велико. Для церковного человека эти сочинения были тем более важны, что услышать живую проповедь владыки мог только житель большого города, а личное общение мирянина со своим архиереем было весьма затруднено... В сочинениях епископов актуальные церковно-общественные темы сказываются значительно сильнее, нежели в поучениях монастырских старцев. Филарет Московский в молодости противостоял чрезвычайно модным тогда масонству и хлыстовству, разнообразным апокалиптическим сектам. Феофан Затворник столкнулся с лжемистицизмом уже иного рода – со спиритизмом. Его также очень волновало распространение в России протестантизма, в частности, проповедь в Петербурге лорда Редстока. Епископ Михаил (Грибановский) стремился дать ответ гиперкритицизму немецкой протестантской библеистики XIX века. Надо заметить, что немало архиереев XIX – начала XX веков потрудилось и на ниве академической библейской науки, но эта тема находится уже за рамками моего рассказа.

Архиепископ Воронежский Антоний (Смирницкий) (1773 – 1846)

Владыка Антоний, занимавший ту же кафедру, что и святитель Тихон Задонский, прославился смирением и даром любви, буквально поражавшим современников. Антоний состоял в переписке с преподобным Серафимом

Саровским; в течение столетия владыку по всей России почитали как неканонизированного святого. Он не оставил книг, но для тех, кому дорог облик этого овеяного благоуханием святости человека, должны быть дороги и его слова, записанные современником:

"Евангелие нужно не для одних монахов; мирские люди находятся в житейском море; кораблец их угрожается частыми треволнениями. Если не будут держаться Слова Божия и полагать оное в основание своих мыслей, чувствований и поступков, то погибнут, не доплывут к желаемому отечеству – к Небесам"[37].

Мир – бурное море, человеческая жизнь – лодка, эти стандартные образы обычно сопряжены в назидательной литературе с отождествлением Христа и якоря, Церкви и большого корабля, которому не страшны шторма. Появление в этом контексте слов о Священном Писании не совсем обычно, хотя, конечно, отнюдь не уникально. Антоний говорит как архипастырь, сердце которого обливается кровью даже тогда, когда крушение терпит только один маленький "кораблец". Держитесь Слова Божия! Оно нужно для всех, ищущих спасения, а спасение даровано Христом Искупителем всему миру.

Святитель Филарет Московский (1782 – 1867)

Один из основоположников библеистики в России, автор первой научной работы по библейской истории на русском языке, инициатор Синодального перевода Библии, святитель Филарет и в своём богословском творчестве прежде всего обращается к Священному Писанию. Благоговение к Слову Божию он сочетает со строгой научной дисциплиной ума. Сохраняя верность методу святых отцов,

---

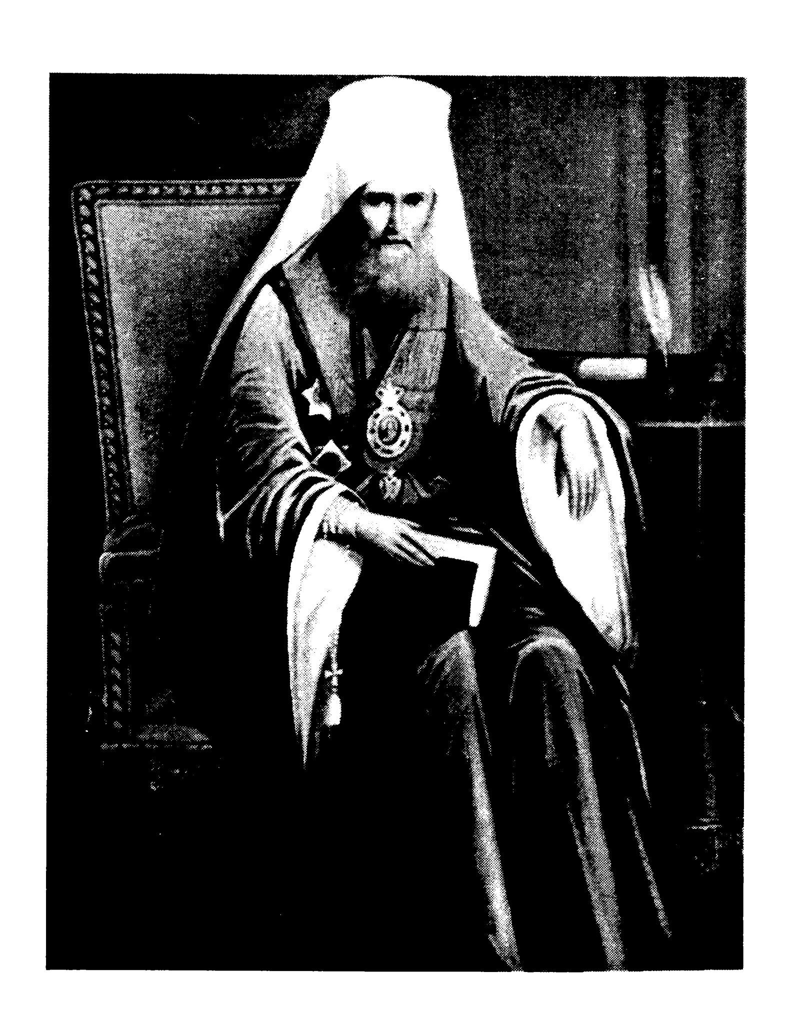
[37] Старческие советы некоторых отечественных подвижников благочестия XVIII - XIX веков. М., 1913 (репринт: М., 1994). С. 451.

Филарет сосредоточен преимущественно на богословских аспектах Библии.

Священное Писание – источник веры Церкви, в него погружена догматическая мысль Вселенских Соборов. Церковь утверждена на Слове – и живёт Словом. Чрезвычайно внимательный к буквальному смыслу каждого текста в Писании, Филарет находит в Библии всю историю мироздания, всю историю человечества и каждого человека, в том числе и будущие судьбы. При этом святитель совсем не увлечён аллегорическим истолкованием Слова; он пользуется прообразовательным (типологическим) методом экзегезы, следуя в этом многим отцам Церкви. Смыслы в Писании как бы просвечивают один сквозь другой, создавая пространство с множеством уровней и этажей. Величественная мистерия творения и искупления, воскресения и обожения разворачивается перед взором Филарета как реальность и его личной судьбы. Святитель черпает силы и вдохновение в этой причастности Откровению.

Историческое продолжение Откровения – Предание Церкви, сама Церковь как живое Предание. Мысль православного богослова подчинена Откровению и включена в него через Предание, но само Предание испытывается посредством Слова Божия. Это глубокое переживание единства Церкви и Библии, жизни и Библии сделало Филарета внимательным к судьбам Слова Божия среди людей. Поэтому Писание было не только источником богословствования святого, но и предметом его епископского попечения.

В 1820-х годах Филарет написал по поручению Синода "Пространный христианский катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви", который после неоднократных исправлений стал официальным исповеданием Русской Церкви. Говоря о Священном Писании, Филарет в сжатой форме изложил всё церковное учение о правилах его чтения:

Святитель Филарет Московский

"Во-первых, должно читать оное с благоговением, как слово Божие, и с молитвою о уразумении оного;

во-вторых, должно читать оное с чистым намерением, для нашего наставления в вере и побуждения к добрым делам;

в-третьих, понимать оное должно согласно с изъяснением Православной Церкви и Святых Отцов"[38].

Филарета не мог не тревожить всё увеличивающийся разрыв между церковно-славянским и русским языками. Писание из-за этого становилось малодоступно большинству читателей. Для поддержания жизнеспособности языка церковной культуры святитель предлагал мирянам продолжать читать Писание на церковно-славянском, но одновременно вынашивал планы перевода Библии на русский язык. Очень смело для своего времени Филарет предлагает преподавать Слово в учебных заведениях и толковать его за Литургией, пользуясь параллельно двумя текстами – церковно-славянским и русским. Но для этого надо было иметь русский перевод...

Как только в Петербурге появилось отделение Библейского Общества (1813 год), святой принял самое активное участие в его работе, в частности – в переводе Писания на русский язык. Окружённый интригами, сплетёнными врагами "русской Библии", Филарет избегал действовать напрямую. Он не оказал сколько-нибудь серьёзного сопротивления гонениям на выдающегося православного библеиста протоиерея Герасима Павского, не поддержал труды преподобного Макария Алтайского[39]. В конце концов поли-

[38] Св. Филарет, митрополит Московский. Православный катихизис. СПб., 1995. С. 16 - 17.

[39] Памятником этих поистине драматических событий остался небольшой трактат Филарета "О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славянского переводов Священного Писания" (Митр. Филарет. Творения. М., 1994. С. 373 - 394). Во время работы над ним главной задачей святителя было воспрепятствовать обер-прокурору Синода Протасову объявить от имени Церкви славянскую Библию аутентичным текс-

тическая реакция, как мы уже знаем, заставила прервать работу над переводом до середины столетия.

Но святитель хранил верность самому замыслу дать Слово Божие всем. В 1858 году, после воцарения нового императора, под нажимом Филарета Синод всё-таки принял решение о возобновлении давно уже прерванной работы переводчиков. Появление в 1876 году Синодального перевода Библии стало важнейшим событием в истории Русской Церкви, вызвало целый поток толкований и исследований Писания, адресованных самой широкой аудитории. Если бы не вера несгибаемого Филарета в возможность "русской Библии", трудно сказать, сколько бы ещё продолжалось фактическое бездействие Слова Божия в уже достаточно секуляризованной России.

И это, может быть, самое главное, что сделал святитель для чтения Священного Писания. Сколь бы ни были ценны библейские труды Филарета или его знаменитые проповеди, по своему значению они уступают тому перевороту, который совершил святой в отношении Русской Церкви к тексту Священного Писания. Филарет бесповоротно утвердил в самосознании Церкви необходимость современного перевода Библии, то есть необходимость *внятности* Слова Божия. И это был именно перелом, поскольку с тех пор в Русской Церкви отношение к Слову как к некоему таинственному фетишу окончательно перестаёт быть нормой.

Святитель Иннокентий Московский, апостол Аляски (1797 – 1879)

Один из самых выдающихся миссионеров Православной Церкви, святой Иннокентий потрудился среди многих народов Аляски, Камчатки, Сибири, а в конце жизни занял

том, то есть освобождающим читателя и комментатора от необходимости обращаться к оригиналу Писания, и не допускающим никаких новых переводов.

Московскую кафедру. Он перевёл Евангелие на алеутский, калошский, эскимосский, якутский и эвенкийский языки, много проповедовал, занимался организацией миссионерской работы в России; в круг обязанностей святителя входило и издание религиозной литературы для новокрещённых. Именно для алеутов Иннокентий ещё в 1830-х годах написал небольшой трактат "Указание пути в Царствие Небесное". В нём мы найдём смелое развитие аскетики исихазма, уже известное нам из опыта преподобного Серафима и Георгия Затворника. Говоря о необходимости для христианина стяжания Святого Духа, без Которого невозможно следовать за Христом в Царствие Небесное, святой Иннокентий называет семь возможностей получить Дух:

"Известные же и истинные средства к получению Духа Святого, по учению Священного Писания и по опытам великих святых, суть следующая:

1) чистота сердца и целомудрие,
2) смирение,
3) слушание гласа Божия [в обстоятельствах жизни. – И.Б.],
4) молитва,
5) каждодневное самоотвержение,
6) чтение и слушание Священного Писания,
7) таинства Церкви, и в особенности Святое Причащение"[40].

Священное Писание – сокровище Премудрости, и всякий читающий или слушающий его может получить Святого Духа и прожить жизнь благочестиво. Единственное условие – искать в Писании не отвлечённой учёности, не "буквы", которая мертвит, но благодати, силы и Духа Божия, принимая Слово в простоте сердца. К тем же, кто потерял веру или ушёл в раскол из-за попыток, мудрствуя, проникнуть в тайны Слова, Иннокентий относится вполне

---

[40] Митр. Иннокентий (Вениаминов). Указание пути в Царствие Небесное. СПб., 1991. С. 31.

Святитель Иннокентий Московский

определённо: все эти люди заблудились и погибли. Библия должна приниматься именно как Слово Самого Бога, со всем благоговением, смирением, готовностью на Слово немедленно отозваться. И тогда в Священном Писании каждый "может почерпать и свет, и жизнь; свет, который может просветить и умудрить всякого человека, и жизнь, которая может оживить, утешить и усладить всякого человека"[41].

Православный иерарх, святитель Иннокентий верен исихастской духовной школе, монашеской по своим историческим корням, но одновременно он стремится адаптировать опыт анахоретов-духоносцев к условиям жизни своей паствы. Ново-крещённым предлагаются основы христианской жизни и аскетическое задание, не чрезмерное для мирян; сам по себе этот путь есть стяжание благодати Божией, ведущей человека со Христом в Царствие Отца. Священное Писание является одним из источников благодати, иначе говоря, Слово Божие становится *богоявлением* для любящих Бога и ищущих Его.

Святитель Феофан Затворник (1815 – 1894)

Строгий аскет, парадоксально сочетавший суховатую схоластическую учёность и живой опыт молитвенного богопознания, святой Феофан, недолго пробыв епархиальным архиереем сначала Тамбовской, а потом Владимирской епархий, в 1866 году ушёл в затвор в маленьком провинциальном монастыре. В отличие от святителя Игнатия Брянчанинова, проделавшего подобный же путь, Феофан не оставил широкой пастырской деятельности, но осуществлял её теперь только через слово – писал книги, переводил отцов Церкви, вёл огромную переписку с людьми разных сословий и возрастов. Много потрудился святой в области библейской экзегезы.

[41] Там же. С. 37.

Святитель Феофан Затворник

Феофан не испытал прямого воздействия школы преподобного Паисия Величковского или оптинских старцев; из недавних предшественников ближе всего ему был Тихон Задонский. Жанр "келейных писем", в котором написаны все лучшие книги Феофана, он заимствовал именно у Тихона. Впрочем, говоря о чтении Священного Писания, святой Феофан, в отличие от святого Тихона, долго не мог побороть какую-то странную робость. Хотя вслед за Тихоном Феофан Затворник и писал о том, что Слово Божие сопровождает христианина на каждой ступени духовного роста, на каждом этапе жизни, но в то же самое время звучит у Феофана один мотив, которого мы не найдём у Тихона – *недоверие*.

В книге "Путь ко спасению" святитель Феофан отводит Библии хотя и почётное, но далеко не самое главное место в жизни христианина. Писание помогает отыскать источники благодати, пробуждающей грешника от сна души, учит искать утерянную чистоту и целостность, дисциплинирует ум. Но тут же делается существенная оговорка: "Плодоноснее – Слово Божие, а за ним – отеческие писания и жития святых. Впрочем, нужно знать, что жития лучше для начинающих, писания отеческие – для средних, Божие же Слово – для совершенных"[42].

В письмах, которые Феофан писал в 1870-х годах, и издал впоследствии отдельной книгой, мы находим уже несколько иной взгляд на чтение Писания. Можно предположить, что став духовником множества людей, соприкоснувшись с самыми разнообразными сторонами современной ему жизни, святой Феофан уже не мог довольствоваться схематическими построениями, аккуратно систематизированными в "Пути ко спасению".

Разубеждая петербургскую даму, находившуюся под влиянием сектанта, святитель настойчиво повторяет: Новый

[42] Еп. Феофан. Путь ко спасению. (Краткий очерк аскетики)/ 8-е изд. М., 1899 (репринт: М., 1992). С. 233.

Завет – источник истинного христианского ведения, знания истинного пути к спасению. Но все положения Нового Завета должны обязательно приниматься верующим в совокупности, а не с выбором. Для святого неприемлем принцип свободного толкования Священного Писания. "Церковь Божия никаким таинственным внушениям не доверяет, но для оценки верности постижения и истолкования Писания имеет неизменную норму христианского ведения – символ веры, общность верования православных христиан всех времён и мест. Эта норма и должна быть руководительницею в понимании и толковании Священного Писания"[43].

Слово Божие читается, истолковывается и понимается в Церкви, под Главой-Христом. Впрочем, чтение Писания – только приготовление к непосредственному поучению от Самого Господа (такая встреча человека с Богом лицом к Лицу происходит прежде всего в непрестанной Иисусовой молитве). И всё же духовное вéдение рождается из ежедневного чтения или слушания Слова Божия и повторения в течении всего дня какого-либо одного, особенно запавшего в душу текста. Но как читать?

Общий совет Феофана – читать Слово Божие ежедневно. "Читать дневные зачала из Евангелия и Апостола лучше, чем по своему порядку, – с толкованием ещё лучше, – а с приложением собственного рассуждения, для применения читаемого к себе, и ещё лучше. Верх же лучшества в сем деле есть, если будете записывать, когда пошлёт Бог или особенно ясно узреть какую истину, или особенно глубоко восчувствовать что"[44].

В письмах к некоей юной особе святой также говорит о ведении дневника: "Заведите тетрадь и записывайте в неё мысли, какие породятся при чтении Евангелия и других

[43] Еп. Феофан. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. М., 1892 (репринт: М., 1995). С. 219.
[44] Там же. С. 404.

книг, – в таком порядке: Господь говорит в Евангелии то и то; из этого видно, что нам надобно поступать так и так; для меня это исполнимо в таких-то и таких-то случаях; буду так делать; помоги, Господи! Труд этот небольшой, а сколько от него пользы?! Делайте же так. Мысль будет изостряться и окрыляться. Дух, движущийся в Писании, будет переходить в ваше сердце и оживлять его. А это елей на раны!"[45].

Как и Игнатий Брянчанинов, Феофан, ссылаясь на преподобного Пахомия Великого, говорит о пользе заучивания Евангелия наизусть. При этом Феофан даёт несколько правил: к Священному Писанию приступать с молитвой, связывать каждое речение Христа со всей суммой наших верований, не оставлять слова Евангелия голым знанием, но стремиться всё полученное применять в жизни, не делать хорошее знание Священного Писания поводом для хвастовства или осуждения других людей.

В отличие от многих духовных учителей, о которых выше шла речь, святитель Феофан очень мало говорит о Святом Духе в связи с Библией. Чтение Слова Божия – просвещение ума, подготовка к исповеди, общее руководство на пути спасения, но Дух Святой подаётся человеку в Евхаристии и молитве, а Писание лишь готовит христианина к той встрече, которая уже не требует детоводителя. Надо полагать, что здесь сказывается рационалистическая школа (восходящая к средневековой латинской схоластике), сформировавшая не одного только Феофана, но и большинство русских богословов XIX века.

[45] Еп. Феофан. Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться? /6-е изд. Л., 1991. С. 116.

Епископ Таврический Михаил (Грибановский) (1856 – 1898)

Один из самых светлых людей в России XIX века, воистину *чистый сердцем*, владыка Михаил одним из первых среди русских епископов стал настойчиво говорить о необходимости сделать сокровищницу Православия открытой и доступной, во-первых, всем мирянам, во-вторых, всем неверующим, сомневающимся, ищущим правду. Освящение и воцерковление мира было осознано Михаилом как главное дело Православной Церкви; уверенность эта зиждится на твёрдой вере в продолжающееся творческое действие Христа и Духа в недрах человечества, в Церкви. И в Священном Писании владыка Михаил усматривает прежде всего продолжающийся спасительный акт Пресвятой Троицы.

За свою недолгую жизнь епископ Михаил не успел написать тома, но он оставил после себя проникновенную книгу медитаций, само название которой уже говорит об источниках его молитвенного и интеллектуального созерцания – "Над Еванге-лием". К ней мы и обратимся.

Размышляя о боговдохновенности и действенности Писания, епископ обращается к словам Господа: "Утешитель же, Дух Святый... напомнит вам всё, что Я говорил вам" (Ин. 14:26). Значит, сила Евангелия не в описаниях и не в фиксации событий; события и подробности Евангелий "передаются духу читателя *жизненно*, то есть Духом Святым, и потому так же *действенно, как это было в самой действительности в отношении писателя...*

Теперь становится понятной живая Божественная действенность Евангелия на души людей. В его повествованиях живёт та же Божественная сила Св. Духа, которая была и в самых событиях земной жизни Господа. Это не одни слова и не просто рассказы, – в них говорит *творческая спасающая нас Сила*; повествования – только средства

воздействия на нас живого Господа, пребывающего постоянно с нами, хотя и невидимого нам. Потому-то слово Божие и *живо* и пребывает вовек; потому-то оно и есть *нетленное семя*, из которого возникает наше духовное возрождение (1 Петр. 1:23). Напоминания Св. Духа, сообщённые нам Евангелистами, творчески проникают в наш дух и порождают в нём новую жизнь, полную радости и утешения от благой вести, приносимой нам Господом"[46].

Слова епископа Михаила заставляют вспомнить духовные паломничества преподобного Серафима, совершавшиеся им по книгам Нового Завета. На этом пути Слово Божие сообщает Духа Божия читающему, поэтому чтение Писания, причастие спасительной благодати, требует благоговения. Михаил, не лишённый мистического дара, созерцает Писание, напитанное Святым Духом. Тот же Дух рождает и веру Церкви. Писания вообще даны лишь Церкви, её вере и любви, а не личной рассудочности. Для верующих писали евангелисты, только верой читаются их писания и ныне. Поэтому источники Духа в Библии открываются человеку, вошедшему в церковное общение любви и веры; при ином отношении к Священному Писанию читатель или учёный обречён на духовное бесплодие.

"Итак, в чтении и толковании Писаний мы должны выходить от Церкви, от присущего ей только одной свидетельства Св. Духа и порождаемой Им веры. Это ничуть не значит, что в Церкви можно верить только без рассуждения. Нет, именно в ней можно и должно верить с рассуждением, но... не рассуждать без веры. Кто рассуждает без веры, тот не в Церкви, и Писания писаны не для него. Кто верит без рассуждений, тот верный раб Церкви, но не свободный сын её, и враги Церкви могут легко переманить его за её ограду в свой стан, прельщая своей мнимой свободой. Кто верит и старается разумно укрепить и прояснить

[46] Еп. Михаил (Грибановский). Над Евангелием. СПб., 1994. С. 50 - 51.

свою веру, постоянно вчитываясь в Писания и вживаясь в них, тот участвует в созидании Церкви на земле, в её ограде и укреплении, и становится её сознательным гражданином, свободным сыном её и другом Христа (Ин. 15:15)"[47].

От первых отцов и учителей Церкви, до святителя Тихона Задонского, епископа Михаила и далее возвещается учение о Священном Писании как источнике Святого Духа, сообщаемом человеку в таинстве целостной христианской жизни, учение о дружбе с Богом в Писании и о причастии в Писании Воскресшему, о творческом воздействии Слова Божия на сердце каждого, кто *со страхом Божиим и верою* приступает к нему.

[47] Там же. С. 55 - 56.

Глава 5. XIX и XX век: приходские священники

В течение XVIII – XIX веков в Русской Церкви постоянно ощущалась катастрофическая нехватка образованных приходских священников, духовно и нравственно стоящих выше своей паствы... Положение стало меняться лишь к концу XIX века. Если отец Матфей Константиновский, собиравший крестьян для чтения Писания, проповеди и молитвы, совершенно одинок, то у святого Иоанна Кронштадтского уже немало молодых последователей среди приходского духовенства. В годы революции в Русской Церкви нашлось немало пастырей, сумевших принять на себя попечение о Народе Божием в условиях жесточайших гонений, когда значительная часть епископов находилась под арестом. Священники, которые после 1917 года трудились за границей, в среде русской эмиграции, также были призваны созидать Церковь в новых и непростых условиях. И хотя главным явлением приходской жизни конца XIX – XX века было евхаристическое возрождение, чтение Слова Божия лучшими представителями разных поколений священников вновь и вновь осознавалось основой христианского пути, равно как и таинства, и молитва.

Протоиерей Матфей Константиновский (1791 – 1857)

В 1814 году в глухом селе Осечня Тверской епархии только что посвящённый дьякон начал собирать прихожан во внебогослужебное время, чтобы вместе с ними читать Священное Писание, разбирать прочитанное и вместе молиться. Это малопримечательное, казалось бы, событие не должно быть нами забыто. Ведь до сих пор речь шла о сугубо индивидуальной практике чтения Слова Божия аскетами-духоносцами, учёными епископами, об их рекоме-

ндациях и предостережениях, но не было речи о *группах* людей, специально собранных пастырями Церкви вокруг Библии. Именно из-за того, что ни епископы, ни монастырские старцы, ни приходские батюшки вовремя не проявили внимания к такой работе, во второй половине XIX века в России стали появляться самодеятельные группы мирян, которых собирало вместе Священное Писание. Но зачастую это уже история русского протестантизма... Поэтому инициатива дьякона Матфея, в 1820 году ставшего священником, для нас интересна, а ввиду многолетнего сопротивления со стороны сослужителей Матфея – ещё и поучительна.

Прирождённый пастырь, отец Матфей собирал общины для чтения Писания, творений отцов Церкви и для молитвы в Осечне, Диево, Еськах, где последовательно проходило его служение. Никакой методики чтения Писания он не оставил, да и вряд ли она вообще существовала. Прихожанами Матфея были люди совершенно дикие, едва принявшие от него основы веры, поэтому на собраниях, происходивших на дому у священника или в церкви, всё было очень просто. Стараниями местного благочинного в 1834 года началось следствие о деятельности самоотверженного миссионера, и благодаря этому печальному обстоятельству мы можем многое узнать об общине отца Матфея из материалов состоявшегося разбирательства[48].

Впоследствии отец Матфей служил во Ржеве и окормлял Н.В.Гоголя в последние годы жизни писателя, снискав себе – несправедливо – самую печальную славу у всех исследователей творчества писателя... Но этой темы, далеко не столь однозначной, как казалось десяткам литературоведов, мы касаться не будем. Для нас важно, что ещё в самом начале XIX века провинциальный священник отыскал в

---

[48] См. мою статью: Еськовская община отца Матфея Константиновского // Вестник Русского Христианского Движения. 1994. № 169. С. 141 - 146.

совместном чтении Слова Божия источник жизни приходской общины, не менее важный, чем проповедь и храмовое богослужение.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский (1829 – 1908)

Харизматик, молитвенник, пламеневший перед престолом Божиим, святой Иоанн был захвачен любовью ко Христу, вдохновлявшей всю его жизнь и деятельность. В центре и личного подвига, и пастырского служения отца Иоанна была Евхаристия. Сила Духа, действовавшая в кронштадтском священнике, делала его отцом многих тысяч страждущих людей. И в Евхаристии, и в нищем, голодном, поруганном человеке святой встречал Христа. Нетрудно догадаться, что читая евангельские речения Господа, святой Иоанн переживал всё ту же встречу.

Придавая огромное значение откровению о Боге-Сыне как Слове Отца, святой Иоанн считал, что в силу этого даже слово человеческое имеет особую силу, тем более – каждое слово Священного Писания. Наравне с причастием Святых Тайн, чтение Слова Божия питает христианскую жизнь; оно очищает сердце и укрепляет надежду. Когда ещё не было русского перевода Библии, Иоанн с болью писал о миллионах людей, лишённых богатства Слова Божия из-за того, что церковно-славянский язык большинству в Русской Церкви был уже непонятен. Когда наконец появился Синодальный перевод, святой всеми силами настаивал на чтении Писания.

“Чисты ли вы, святы ли и совершенны, не читая Евангелия, и вам не надо смотреть в это зерцало? Или вы очень безобразны душевно, и боитесь вашего безобразия? Приступите к Нему и просветитеся, и лица ваша не постыдятся

Святой праведный Иоанн Кронштадский

(Пс. 33:6)"[49]. Характерная особенность конца XIX века, когда наиболее чуткие натуры уже ощущали надвигавшуюся бурю: святой Иоанн часто сокрушается о деградации христиан своего времени, не читающих Евангелие или сомневающихся в нём. "Дьявол поражает сердца священников леностию, сухостию и бесплодием, чтобы они не проповедовали истин Евангелия людям Божиим, не сказывали им всей воли Божией..."[50].

Сам святой Иоанн, несмотря на переутомление и загруженность, обращался к Слову Божию постоянно. В конце жизни, на собрании духовенства одного провинциального города, он рассказывал: "Но особенно я люблю читать Священное Писание обоих Заветов. Я не могу жить без этого чтения. Сколько тут содержания. Сколько открыто законов жизни души человеческой! Сколько человек, стремящийся к духовному обновлению, может почерпнуть здесь указаний для того, чтобы переродиться из злого в доброго. Особенно Святое Писание необходимо проповеднику. Здесь неисчерпаемая тема для проповедей: только сумей сам назидаться и других назидать"[51].

Святой Иоанн переживает чтение Священного Писания как опыт богопознания и самопознания. Но он ни на минуту не может оставаться пассивным в своём восприятии. Встреча со Словом Отца в Писании побуждает Иоанна к проповеди, чтобы от слышания Слова загоралась вера. Само же Слово очищает сердце проповедующего и возводит его к новой жизни. На этом пути христианина ждут искушения и соблазны, но то же Слово, Логос Воплотившийся, даёт путнику свою благодатную поддержку.

---

[49] Прот. Иоанн Сергиев. Моя жизнь во Христе, или минуты духовного трезвения и созерцания, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге/ 2-е изд. СПб., 1893 (репринт: 1991). Том 2. С. 380.

[50] Там же. Том 1. С. 257.

[51] И. К. Сурский. Отец Иоанн Кронштадтский. М., 1994. С. 165.

Священник Александр Ельчанинов (1881 – 1934)

Талантливый педагог, дворянин, человек утонченной культуры, Ельчанинов стал священником уже после того, как с потоком беженцев покинул Россию. Бури революции и войны не поколебали его в намерении служить человеческому общению, теперь уже в качестве пастыря Церкви. Сохранился дневник отца
Александра и его письма; вопросам, связанным с чтением Писания, отведено в них немало места.

Чтение Евангелия питает нашу любовь ко Христу и наряду с таинствами укореняет человека в Церкви. Напротив, отсутствие интереса к Священному Писанию – свидетельство маловерия и слабой любви к Богу. Отец Александр с большой настойчивостью повторяет: читать Евангелие надо ежедневно, желательно с утра, освящая этим чтением день. Важно воспринимать Слово как обращённое именно *к тебе*. Священник пишет о двух способах чтения Евангелия:

"1. Читать очень понемногу, по одному-два стиха и обдумывать их весь день, рассматривать их, как обращённые *к тебе* слова Христа.

2. Когда хорошо знаешь Евангелие – читать большими частями (всего Евангелиста, все 4 Евангелия сразу), чтобы уловить связь событий и общий дух. При слабой памяти это очень помогает и даже – существенно необходимо"[52].

Но по-настоящему понять Евангелие можно только на пути самоотвержения; здесь отец Александр верен аскетической традиции Православия, к которой он вообще был очень внимателен. Поскольку чтение Писания есть подвиг и восхождение, надо проверять, в какой стадии ты находишься: "В нашем восприятии Слова Божия различимы следующие моменты – слышание его, разумение, принятие сердцем и, наконец, употребление его к жизни... Проверьте

---

[52] А. Ельчанинов. Записи. М., 1992. С. 144.

себя – и медленно и упорно начните свой подъём по этим ступеням"[53].

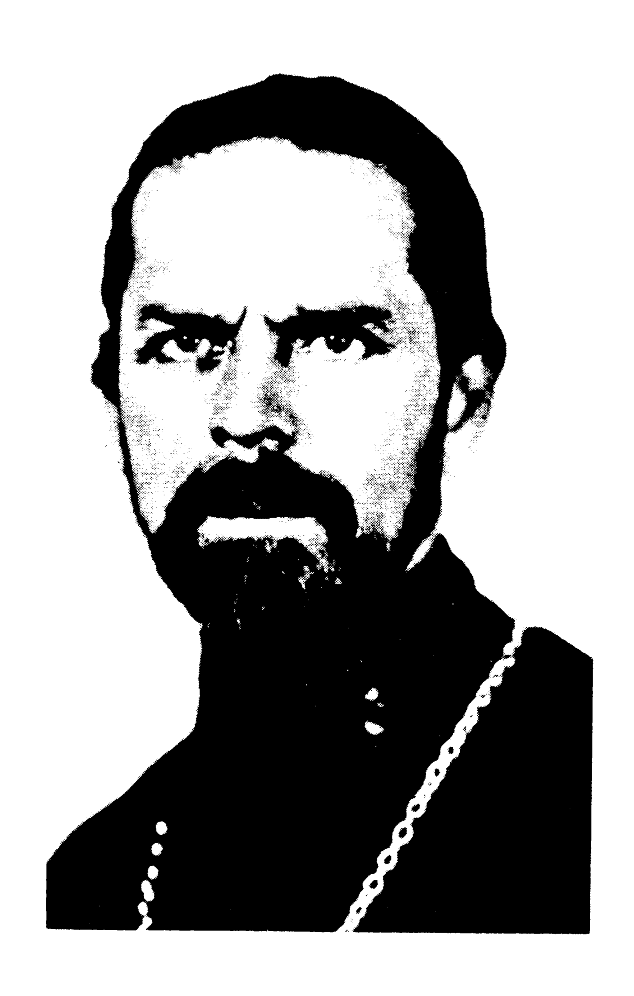
Тонкий психолог, Ельчанинов с неожиданной стороны подходит к проблеме соотношения в практике христианина Писания и святоотеческой литературы: "Я убедился, что *ежедневное* чтение св. отцов и житий в наших условиях главнейшее и действительнейшее средство для поддержки нашей веры и любви... Естественный, казалось бы, путь к тому же через чтение Евангелия. Конечно, да, для тех, кто способен читать его с пользой. Есть множество людей, которым Евангелие ничего не говорит – или оттого, что оно с детства "зачитано", или свет евангельский слишком силен для слабых глаз. Не все способны воспринять его и нуждаются в смягчающей среде жизни святых, в которых тот же свет евангельский, но в более доступном нам виде"[54].

Отношение отца Александра Ельчанинова к чтению Слова Божия сохраняет всё ценное из опыта Церкви в старой России. Беженцам, пережившим трагедию разрыва с родиной, он стремится дать Писание как основание новой любви, ведущей человека от растерянности к собиранию себя, от замкнутости и ожесточения к богообщению в полноте жизни.

Священник Сергий Мечёв (1892 – 1941)

Апокалиптическая тревога святого Иоанна Кронштадтского предвещала катастрофы, участниками и жертвами которых суждено было стать многим праведникам. Один из них – московский священник Сергий Мечёв, сын ещё более знаменитого приходского священника Алексия Мечёва. Отец Сергий собирал людей вокруг престола Божия в первые годы революции; в дальнейшем его община пере-

[53] Там же. С. 150 - 151.
[54] Там же. С. 139 - 140.

Священник Александр Ельчанинов

жила тяжелейшие испытания, перешла к “катакомбному” существованию, а позднее потеряла своего пастыря, арестованного и расстрелянного в первые месяцы войны.

Сохранилась проповедь отца Сергия “О чтении и разумении Св. Писания”, сказанная в 1928 году[55]. Не делая скидки на трудные обстоятельства, священник призывает каждого со смирением и терпением проходить свой христианский путь. Несмотря ни на какие перипетии истории, остаётся в силе укор, который отец Сергий находит в Древнем Патерике: “Святые отцы, жившие прежде, писали Св. Писание и исполняли его; другие, жившие после них, тоже писали Св. Писание, но исполняли его лишь наполовину. А вот пришёл род сей – переписал Писание и положил его на окно”. Такому механическому переписыванию Слова Божия отец Сергий уподобляет его чтение без желания исполнить. Только тот, кто *делами читает* заповеди, может их понять. Толкование Писания не делами, трудом, подвигом, а холодным рассудком бесплодно. Особенно опасно, если к праздному чтению Слова Божия примешивается тщеславие.

Мудрость древних аскетов формирует пастырский подход отца Сергия к чтению Библии. Смысл жизни христианина – в соединении со Христом Спасителем. Для равнодушного или недоверчивого выжидания просто нет времени! Именно поэтому читающий Слово Божие и должен руководствоваться древним правилом – читай делами.

Из Оптиной пустыни, с которой отец Сергий поддерживал глубокую духовную связь, он получил “Схему ежедневного чтения Священного Писания Нового Завета”. Поскольку старцы жёстко рекомендовали читать ежедневно по две главы апостольских посланий, то при переходе к Апокалипсису надо было читать уже по одной главе в день, чтобы выдержать общий строй схемы. Отец Сергий отредактировал чтение посланий таким образом, чтобы и из Апо-

---

[56] Проповеди священномученика иерея Сергия Мечёва // Надежда. Душеполезное чтение. 1993. Вып. 17. С. 331 - 339.

калипсиса в день читались бы две главы. Эту чуть изменённую "Схему" отец Сергий дал своей общине.

"Почти всем духовным детям отец Сергий благословлял читать ежедневно по главе Апостола и Евангелия, но однажды решил, что всем, включая его самого, надо читать одновременно одну и ту же главу, чтобы это чтение и в разлуке всех объединяло. Этому одновременному чтению он придавал особенное значение и велел беречь его больше всего остального правила, то есть когда не удавалось прочитать правило, главу Евангелия надо было обязательно прочитать"[56].

За такой пастырской настойчивостью угадывается глубокий личный опыт. Отец Сергий говорил: "Когда будет Страшный Суд, я по этой главе узнаю моих духовных детей"[57]. Общение в Слове Божием реально, оно преодолевает пространство и накладывает неизгладимый отпечаток на личные взаимоотношения людей. Так же и вся Церковь ежедневно за богослужением читает один и тот же фрагмент (зачало) Апостола и Евангелия. Это установление, легко становящееся чем-то машинальным, необязательным, было узнано и открыто отцом Сергием как фундамент Церкви, в том числе и "малой Церкви" – приходской общины. Собрание верных, εκκλησια, дышит Словом Божиим, находя в этом своё второе имя – κοινονια – "общение".

[56] Жизнеописание священномученика о. Сергия Мечёва, составленное его духовными чадами // Там же. 1993. Вып. 16. С. 110.
[57] Там же.

Глава 6. Монашеская традиция в начале XX века

Созерцательное чтение Священного Писания не прекращалось в монастырях старой России. В начале XX века опыт того или иного подвижника становился известен чаще всего благодаря его духовничеству. Вообще общественное служение монахов-духовников, пережившее в XIX веке свой недолгий взлёт, накануне бурь XX века находит широкое признание. Во время истребления Церкви наследие лучших монастырей России помогло многим людям сохранить основы христианской жизни, но адаптация в миру монашеского опыта, в частности, опыта чтения Слова Божия, оказывалась удачной далеко не всегда. Если оптинские старцы относительно благополучного XIX века дали Церкви правило чтения, которым многие пользуются до наших дней, то рекомендации епископа Варнавы (Беляева) остаются скорее документом той эпохи, когда строгая замкнутость христианина казалась единственно возможным ответом на агрессивность мира. В то же самое время на Афоне, застывшем в молитвенном предстоянии, ещё живут монахи, хранящие практику древних аскетов-духоносцев. Их любовь и бесстрастие, не замутнённые сиюминутными проблемами изменчивого общества, открывают вечную правду о Боге и человеке.

Преподобные Варсонофий (1845 – 1913) и Никон (1888 – 1931) Оптинские

Двое святых, о которых пойдёт речь, входят в число последних оптинских старцев. Варсонофий, оставивший ради монашеского подвига блестящую военную карьеру, с печальными мыслями встречал новое столетие, прозревая будущие катастрофы. По-настоящему испытал бедствия новой эпохи его преданный ученик, Никон, умерший в

ссылке, которую он разделил со множеством христиан, "изгнанных правды ради".

Вся аскетическая практика святого Варсонофия сосредоточена на непрестанной Иисусовой молитве. В словах Священного Писания подвижник прежде всего видит символы духовной борьбы, скрытые указания на ступени монашеского созерцания. Исследование Библии, книги великих тайн, вводит человека в глубины богопознания и дарует ему блаженство. Ум, погружённый попеременно в молитву и в чтение Слова Божия, несказанным образом просветляется. Но такое проникновение за таинственную завесу опасно предпринимать без руководства опытного старца.

Преподобный не забывал и о прямых нравственных требованиях Слова. В дневнике его ученика содержится запись одной беседы Варсонофия о чтении Евангелия: "...для христианской жизни необходимо верить в Бога, Христа, Евангелие. "Мы не можем верить, – говорят иные, – нет на то доказательств". Хорошо, но прежде чем отвергать что-либо, надо исследовать предмет, испытать. Св. Иоанн Богослов прямо говорит, что надо "испытывать дух". Но надо испытывать на практике. Пожить надо по евангельскому учению и узнать на деле, правда ли, что "блаженны нищие духом", "блаженны кротции" и т.д. Если вы не испытали этого, то не можете и опровергать, не можете утверждать, что Евангелие – ерунда. А многие так говорят. Но на Страшном суде сих людей спросят: "Что, читали Евангелие?" – и получат обязательно три ответа: 1-й – "Нет", 2-й – "Кое-как" и 3-й – "Да, читали, конечно, только не поняли"[58].

Все три ответа не заслуживают оправдания. Евангелие во времена Варсонофия было доступно каждому, а читавшие, но не понявшие пренебрегли ключом Иоанна Богослова: "Испытывайте дух".

---

[58] Дневник последнего старца Оптиной пустыни иеромонаха Никона (Беляева). СПб., 1994. С. 15.

Святой Никон вслед за своим учителем различает в словах Писания два смысла – исторический и духовный. Но уча в церкви, он говорит о другом: "Читайте Святое Евангелие, проникнитесь духом его, сделайте его правилом жизни своей, на-стольной книгой, во всяком поступке и жизненном вопросе поступайте согласно с учением Евангелия. Это – единственный свет жизни нашей"[59]. Подобно святителю Иннокентию Московскому, Никон называет чтение Слова Божия одним из путей стяжания Святого Духа. Со Словом следует сверять каждое действие в жизни. Писание вселяет в нас святые чувства, радость и мир.

Никон призывал православных христиан читать Священное Писание перед лицом погрома, грозившего опрокинуть все церковные устои. Слову Божию и мудрости отцов Церкви поручает святой своих духовных детей. Например, монахини совет своего духовника должны "проверять Св. Писанием и св. отцами, и если он скажет несогласно с ними, то можно сказать ему: не могу так"[60]. Как и отец Сергий Мечёв, как многие другие пастыри времён гонений, преподобный Никон видел в Писании опору для Народа Божия, вступавшего в эпоху тяжелейших испытаний.

Епископ Варнава (Беляев) (1887 – 1963)

Викарий Нижегородской епархии в 1920 – 1922 годах, епископ Варнава остаётся одним из самых необычных людей в истории русского Православия[61]. Во время обновленческого раскола, потрясшего Церковь в 1922 году, молодой владыка по благословению своего старца принял

[59] Там же. С. 187.
[60] Там же. С. 234.
[61] Подробнее о еп. Варневе см.: Иером. Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1992. Том 1. С. 47 - 85; П. Г. Проценко. Мысли одного старика // Дар ученичества. Сборник. М., 1993. С. 13 - 24.

подвиг юродства. Хотя впоследствии это не спасло Варнаву от долгого заключения в Сибири, но в глазах властей он оставался сумасшедшим, поэтому епископ избежал расстрела и до конца жизни продолжал интенсивные литературные занятия. Юродивый архиерей втайне от внешнего мира написал целый ряд больших и малых богословских трактатов, а также немало художественных произведений, преследующих апологетическую цель. Россия вступала в совершенно новый период истории, и владыка осознанно трудился для верующих завтрашнего дня.

В 1920-е годы Варнава пишет монументальное сочинение по аскетике "Основы искусства святости". Говоря об источниках богопознания, епископ много места отводит Священному Писанию. Варнава не стремится дать читателю какое-то "своё" учение, он выступает скорее как классификатор и популяризатор (в лучшем смысле слова). Это отразилось и на подробнейших правилах чтения Библии – автор скорее подводит итог всему тому, что было сказано на эту тему до него.

В словах Священного Писания заключена сила Святого Духа, которой алчет верующая душа. Библия дана людям для спасения, и именно поэтому Варнава скептически относится к библеистике, хотя сам неплохо её знает. Библейская наука необязательна для спасения, но может отвлечь от него. Лучше искать непосредственного воздействия на человека благодатного света Христова Разума, а в этом, собственно, и состоит путь аскета. "Если Библия есть творение Самого Бога, то, понятно, надо уподобиться прежде Богу и освободиться от недостатков падшей человеческой природы, чтобы сделаться способным воспринимать в Писании всё божественное, а не человеческое"[62].

Отсюда вытекают конкретные рекомендации. Чтение Священного Писания включается в утреннее молитвенное

---

[62] Еп. Варнава (Беляев). Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетики. Нижний Новгород, 1995. Том 1. С. 83.

правило и протекает под непосредственным наблюдением духовного отца. Прежде всего христианин должен глубоко усвоить Новый Завет и Псалтирь. "Если человек серьёзно дорожит своим спасением и своей душой, то, начав читать Новый Завет и Псалтирь (например, по главе из первого и по псалму, кафизме из последнего ежедневно), он должен, по крайней мере, в продолжение одного года отбросить все другие книги (разве род занятий обязывает к чему-нибудь таковому). Ему нельзя ничего читать: не только светских книг лёгкого содержания или научных, но даже и духовных по богословским вопросам. Нельзя и толкований читать"[63].

После продолжительного молитвенного подвига человек, изолированный от всех возможных духовных опасностей, делает шаг, потом ещё один... И никакого иного пути знакомства с внутренним, сокровенным смыслом Писания епископ Варнава не предлагает. Старцы XIX столетия, о которых шла речь выше, никогда не доходили до такой строгости; вероятно, на Варнаву большое влияние оказала общая тягостная атмосфера, окружившая верующих в XX веке. Не обсуждая вопроса о плодотворности такой педагогики, замечу, что строительство некоей "цитадели молитвы" для многих в ту пору было единственным доступным христианским делом.

Преподобный Силуан Афонский (1866 – 1938)

Монах Пантелеимонова монастыря на Афоне, святой Силуан пережил непосредственное вхождение в недра Божественной любви. Аскета и мистика, открытого воздействию благодати, вновь и вновь охватывал огонь Святого Духа. Но в своём дневнике святой пишет, что познал бес-

[63] Там же. С. 85.

Преподобный Силуан Афонский

конечную любовь Бога к людям не только из своего опыта, но и из Священного Писания.

Силуану, как и Серафиму Саровскому, известно молитвочтение Писания, называемое иногда также богомыслием: "О братья, читайте больше Евангелие, Послания Апостолов и [творения] Святых Отцов; чрез это поучение душа познаёт Бога, и ум до того бывает занят Господом, что мир забывается совершенно, как будто ты в нём и не родился"[64].

И всё же познание Бога через созерцание природы или из Священного Писания – удел тех, кто ещё не познал Святого Духа. Аскету, уже причастившемуся силы и огня обо́жения, дорога одна только непрестанная молитва, та́инственное богообщение в глубинах сердца: "...душа его непрестанно скучает только о Господе и всегда ищет Благодати Святого Духа"[65].

Силуан нисколько не принижает Священное Писание, которое он читает и стремится в точности исполнить. Но он же и говорит, что Бог учит человека и через Евангелие, и благодатью. Здесь мы вновь прикасаемся к той мистико-аскетической школе в Православии, которая уже хорошо знакома нам на примере последователей преподобного Паисия Величковского. Опыт мистика уникален, и только в опосредованной форме может стать учением для всей Церкви. Удачную и плодотворную интерпретацию боговидения преподобного Силуана мы найдём в книгах нашего современника, Сурожского митрополита Антония (Блума), речь о котором пойдёт чуть ниже.

---

[64] Старец Силуан. М., 1994. С. 393.
[65] Там же. С. 463.

Глава 7. Слово, пребывающее во век

Последняя глава в моём рассказе неизбежно оказывается неполной. Попытка довести рассказ о чтении Священного Писания (применительно к Русской Церкви) до наших дней сталкивается с целым рядом препятствий. То обстоятельство, что ещё далеко не все святые XX века канонизированы, даже не самое главное из них. Пореволюционная история Церкви в России в некоторых своих аспектах – период бесписьменный, вот обо что неизбежно спотыкается исследователь. Мы много (хотя и не всё) знаем о бедах Церкви, о всевозможных перипетиях её судьбы. Несравненно меньше – о конкретных подвижниках, мучениках, смиренных сердцем, плачущих, радующихся, непрестанно молящихся. И меньше всего нам известен внутренний характер их жизни, в частности, их практика чтения Слова Божия. А значит, и учиться у них не так-то просто.

Надо полагать, что для времён гонений характерна история схиигумении Марии (ок. 1880 – 1961). До революции она была настоятельницей Владимирского Вольского монастыря Саратовской епархии, после разгрома обители с чужими документами пе-реселилась в Сергиев Посад, уже ставший к тому времени Загорском. Здесь вокруг матери Марии собралась женская “катакомб-ная” монашеская община, существовавшая почти полвека. Схимницу отличал пасхальный, “серафимовский” строй духа; люди, знавшие её, не сомневались впоследствии в святости подвижницы.

Мать Мария часто читала Евангелие и хорошо его знала. Особенно она любила Евангелие от Иоанна, постоянно перечитывала в нём 14 главу. Но к книгам Ветхого Завета (за исключением Псалтири) обращалась редко. Впрочем, каждый год во время Великого Поста мать Мария, следуя богослужебному уставу Православной Церкви, прочитывала три ветхозаветные книги – Бытие, Притчи Соломона и пророка Исайю.

Сёстры "катакомбной" общины матери Марии с утра до ночи были заняты работой. Большого труда монахиням стоило простое поддержание физического существования, особенно в голодные военные и послевоенные годы. Не меньше сил и времени отнимало само подпольное существование, необходимость скрывать от посторонних глаз каждый шаг, каждое обстоятельство жизни маленького монастыря. Читать было некогда... Но это не снимало с сестёр обязанность в течение Великого Поста всё же суметь прочитать все четыре Евангелия. Что же касается трёх ветхозаветных книг, чтение которых Постом положено по Уставу, то на это уже не хватало сил. Вообще, в необходимости чтения Нового Завета в общине матери Марии никто не сомневался. Но книги Ветхого Завета раскрывали лишь некоторые пожилые инокини, располагавшие свободным временем из-за неспособности к физическому труду.

Эта картина, известная со слов одной из духовных дочерей матери Марии, повторяю, должна быть характерна и для многих других православных христиан в России. Речь идёт, конечно, о тех, кто в годы гонений за веру сохранил не только преемственность веры, но и экземпляры Библии. Нельзя забывать, что таких людей, равно как и священнослужителей, имевших доступ к Писанию "по должности", было совсем мало. Среда, в которой жило Слово Божие, неизбежно оказывалась узкой.

А рядовому гражданину Священное Писание было попросту негде взять. В 1930-1950-е годы Евангелие переписывали от руки; такие рукописи сохраняют теперь как реликвии... Тут уже рассуждения о том или ином методе чтения рискуют быть вос-приняты как издевательство. Даже укоренённым в Церкви людям зачастую было невозможно познакомиться с теми рекомендациями чтения Слова, которые содержатся в книгах Тихона Задонского и Макария Оптинского, Иннокентия Московского и Феофана Затворника.

Начиная с 1956 г. Московская Патриархия получила возможность издавать Писание, не поступавшее, правда, в свободную продажу. Экземпляры Библии стали появляться в России также благодаря смельчакам, установившим нелегальные связи с западными христианами. Но все эти изменения ощущались лишь в Ленинграде и Москве. Обладатели Священного Писания ощущали потребность в комментариях, поэтому большим успехом пользовались нелегально ввозимые в страну Библии, выпущенные брюссельским издательством "Жизнь с Богом", содержащие солидный комментарий и обширный научный аппарат.

Итак, очертить даже общий абрис истории чтения Священного Писания православными христианами в нашей стране в недавнем прошлом очень непросто[66]. Но мы точно знаем, что лучшие приходские священники старались в те времена поддерживать любовь к Слову Божию, по возможности снабжали им паству и оставили уроки чтения Писания. Прежде, чем говорить о них, обратимся ещё раз к опыту православных христиан из числа русских беженцев. Речь пойдёт о владыке Антонии (Блуме), митрополите Сурожском, одном из самых выдающихся проповедников и Русской Церкви, и вселенского христианства.

Митрополит Антоний часто повторяет, что Библия рождена изнутри древнееврейской Общины и Новозаветной Церкви, поэтому Писанием проверяется любовь, вера и познание Народа Божия. "Библейский народ, это не народ, который ч и т а е т Библию, верно хранит её и возвещает её; подлинный Народ Божий, подлинный народ библейс-

---

[66] Подробнее о судьбе Слова Божия в России на протяжении последних десятилетий см.: Свящ. А. Борисов. Великое поручение // На пути к свободе совести. М., 1989. С. 301 - 304, 308 - 309; Архиеп. Михаил (Мудьюгин). Русская православная церковность. Вторая половина XX века. М., 1995. С. 17, 35 - 42. О положении дел сегодня см.: В. Борзенко, игумен Иннокентий (Павлов). Читатели Библии в России: групповой портрет в цифрах // Мир Библии. 1994. № 1 (2). С. 105 - 106, а также статью М. Г. Селезнёва, указанную в прим. 1.

кий, подлинный народ евангельский должен быть такой общиной, которая могла бы сама написать Священное Писание, проповедовать его из собственного о п ы т а, дать ему начало, родить его. Если мы не такая община – мы не принадлежим поистине ни Евангелию, ни народу Божию"[67]. Мы должны стать Народом Божиим, живущим согласно со Словом своего Бога! Поэтому жизнь по Евангелию – постоянная пастырская забота владыки Антония, произносящего порой горькие слова: "Мне кажется, что сейчас весь христианский мир, включая и православный мир, страшно отдалился от простоты, от цельности и от ликующей красоты Евангелия"[68].

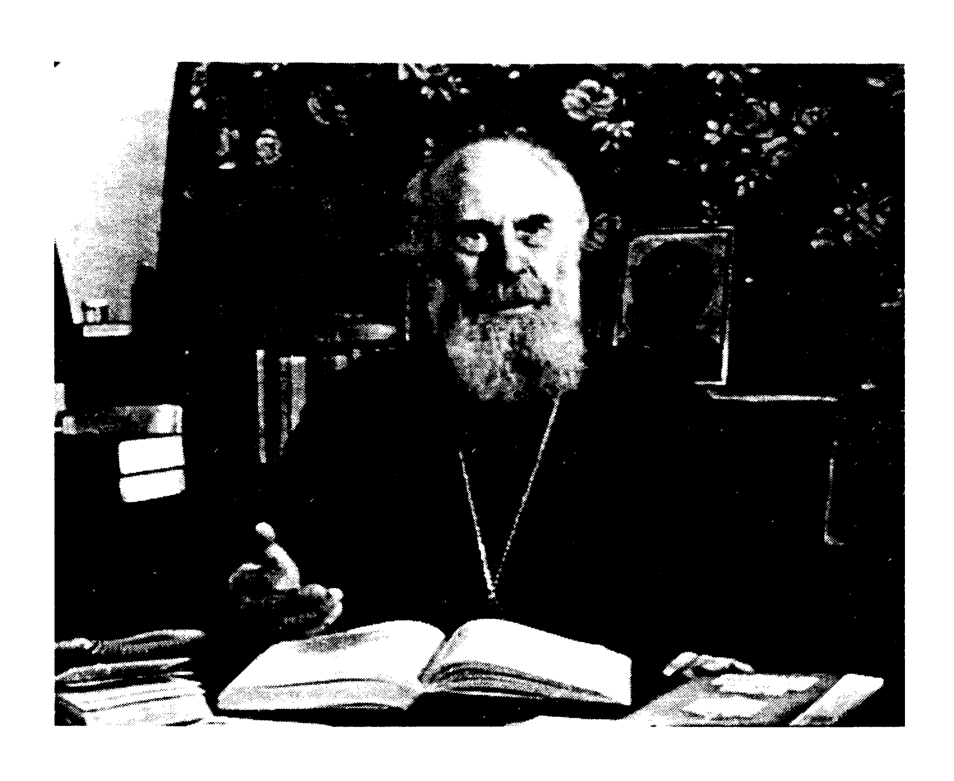
Евангелие рождено Святым Духом из самых глубин человеческого опыта Бога, и человек раскрывает Евангелие как книгу радости и надежды. Бог стал человеком, и Его воплощение требует от христианина быть достойным величия своего человечества. Это – требование, с которое человек встречается именно в Писании. Библия учит правильному отношению к жизни, взгляду на себя и на историю с точки зрения Творца; в Священном Писании заложены огромные возможности для самопознания. Но не следует отмечать при чтении Слова того, что обличает человека, слишком велика в таком случае опасность бесплодного уныния. Останавливать внимание следует лишь на том, что *сейчас* созвучно с твоим пониманием жизни, *сейчас* сродняет тебя с Евангелием.

К таким местам в Писании надо быть очень внимательным, ведь именно это и есть речь Господа, обращённая лично к тебе. "И помните тогда одно: в этой фразе или в этом евангельском образе одновременно явлены и Христос, и вы; и как только вы сделаете это открытие, вам уже нет надобности бороться со своей природой, чтобы как можно более приблизиться к евангельскому духу; достаточно сле-

---

[67] Митр. Антоний (Блум). Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Проповеди. М., 1993. С. 69.

[68] Митр. Антоний (Блум). О встрече. СПб., 1994. С. 74 - 75.

Митрополит Антоний (Блум)

довать своей природе, но природе подлинной, не ложному, привнесённому образу, а тем чертам, что написаны рукой мастера. Дело не в том, чтобы поступать наперекор всему, что вам хочется сделать (христиане часто называют это – "быть добродетельным": чем больше я хочу это сделать, тем добродетельнее этого не делать), а в том, чтобы сказать: вот один, два пункта, в которых я нашёл, что есть во мне самого подлинного. Я хочу быть самим собой самым истинным образом... Сделайте так, и когда вы это сделаете внимательно, с радостью быть и всё больше становиться самим собой, то увидите, как появляется другой просвет, место сходное, родственное, так сказать, нескольким поразившим вас словам. Постепенно портрет расчищается, появляется одна чёрточка, другое красочное пятно... И так вас захватывает всё Евангелие, но не как оккупационные войска, которые завоёвывают вас насилием, а освобождающим вас действием, в результате которого вы всё больше становитесь самим собой. И вы открываете, что быть самим собой значит быть по образу Того, Кто пожелал быть по нашему образу, чтобы мы были спасены и изменились"[69].

Но даже такое воистину спасительное вживание в реальность Слова владыка Антоний ставит на ступеньку ниже созерцательной молитвы, в которой человек встречается с Богом лицом к Лицу. Не будем забывать, что учение митрополита Антония о Священном Писании это прежде всего интерпретация опыта исихастов. Посвятив богомыслию над словами Библии специальный раздел в книге о молитве[70], владыка Антоний настаивает именно на углублённом вслушивании в Писание. Читать его следует так, как мы читали бы письмо от самого дорогого человека, отзываясь телом и душой на каждое слово, звучащее в сердце ликующей песнью.

---

[69] Митр. Антоний (Блум). Человек перед Богом. М., 1995. С. 128 - 129.

[70] См.: Митр. Антоний (Блум). Молитва и жизнь. Рига, 1992. С. 36 - 42.

Митрополит Антоний соединил в своей пастырской деятельности опыт монашеской пустыни и многолюдного прихода, что очень созвучно жизни православного христианина в России. Ещё совсем недавно духовникам и проповедникам Русской Церкви приходилось действовать в условиях постоянного давления безбожной власти, так что пастырская педагогика должна была сосредоточиться на самом главном, и в это *единое на потребу* входило чтение Слова Божия. В качестве примера я изберу два имени – отца Александра Ильина и отца Александра Меня.

Протоиерей Александр Ильин (1895 – 1971) сумел реализовать свой пастырский дар в трудные для Церкви годы[71]. После долгого пребывания в ГУЛАГе он вернулся к церковному служению, получив приход в Новгороде. Яркий представитель движения евхаристического возрождения, отец Александр оставил сво-им духовным детям точные и глубокие советы о чтении Библии.

Вслед за Тихоном Задонским отец Александр называет Писание зеркалом, рождающим в человеке непрерывное покаяние. Читая Евангелие и святых отцов, христианин познаёт себя. Но Слово ещё и пища христиан. Поэтому "читать Слово Божие надо понемногу, но регулярно. Как пища претворяется в организме, так оно питает нашу душу, являясь живыми клетками нашей души"[72]. Отец Александр знает о глубоком мистическом воздействии Писания на человека. Чтение Слова изглаживает греховное прошлое, очищает ум и душу от гнилых впечатлений мира. "Для изглаживания памяти прежде содеянных нами грехов нет большей силы, как чтение Слова Божия"[73].

Отец Александр предостерегает: объяснять Писание по своему разумению и праздно болтать о нём – серьёзное искушение. Молчание лучше болтовни, а смысл Слова

---

[71] Подробнее об о. А. Ильине см.: М. Кириллова. Вкусите и видите, яко благ Господь // Православная община. 1995. № 28. С. 88 - 96.
[72] Прот. А. Ильин. Ответы духовным детям. Брест, 1994. С. 16.
[73] Там же.

открывается только чистым и смиренным сердцам. “Кто этого не достиг, может пользоваться опытом св. старцев, принять их толкование”[74]. Но читать – обязательно! Читать, пока есть возможность... И помнить, что спасение наше основывается на молитве, чтении и труде, которым мы исполняем волю Божию о нас.

В своём противостоянии Церкви государственная идеология пользовалась разнообразными приёмами травли, в частности, всеми мыслимыми способами осмеивала и “развенчивала” Священное Писание. При тоталитарном режиме отвечать на ложь государства чрезвычайно трудно. Но библейская проповедь спасения во Христе сама по себе бросает вызов идолам тоталитаризма. И одним из самых выдающихся служителей правды Божьего Слова в 1960–80-х годах стал протоиерей Александр Мень (1935 – 1990).

Для разговора о Священном Писании отец Александр всякий раз находит такие же бодрые и светлые слова и интонации, как святитель Тихон Задонский за двести лет до него. “Библия говорит о Мессии, и поэтому она – книга надежды”[75]. И Евангелие это прежде всего благословенная и радостная весть о Богочеловеке Христе, весть, которую Церковь несёт миру. Евангелие являет конкретность события Боговоплощения, увенчавшего священную историю спасения. Только в контексте этой истории, в контексте эволюции человечества от Завета Авраама до Нового Завета в крови Спасителя Священное Писание может быть правильно понято.

Поскольку Библия это “не свод поучений, а *история богопознания*, история, исполненная мук и озарений, падений и взлётов”[76], читать его следует с применением всех имеющихся методов экзегезы, чтобы воспринять смысл Слова с максимальной полнотой и точностью. При этом

---

[74] Там же. С. 14.
[75] Прот. А. Мень. Как читать Библию. Руководство к чтению книг Ветхого Завета. Брюссель, 1991. С. 192.
[76] Там же. С. 14.

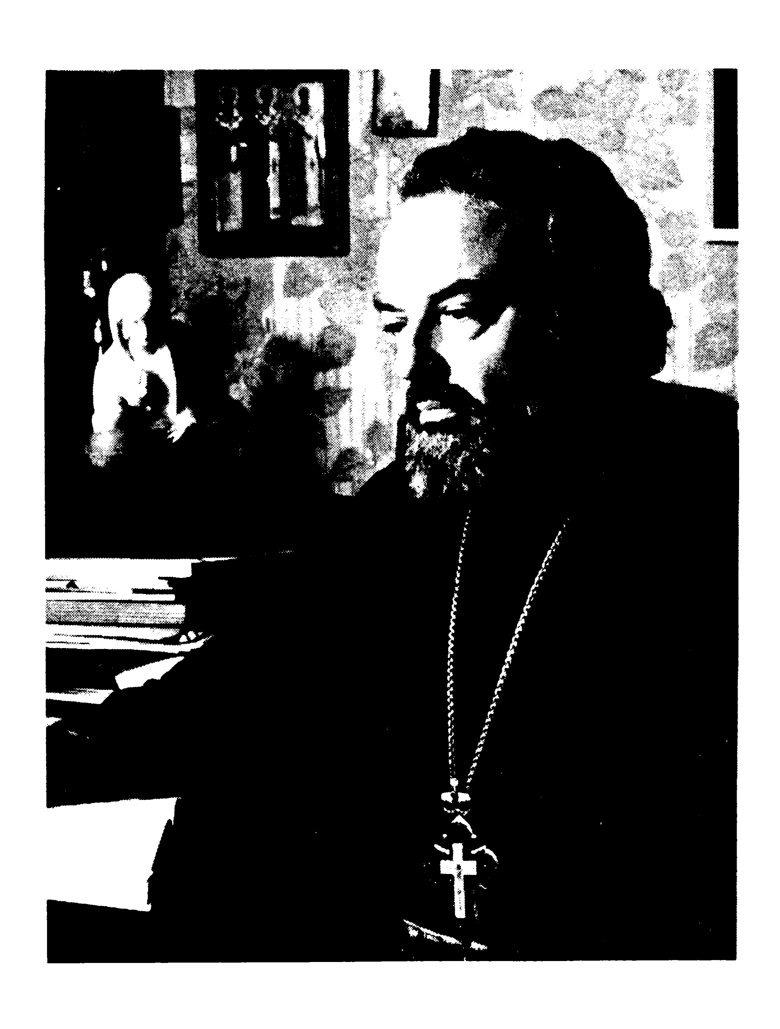
аллегорическое, буквальное и прообразовательное толкование, метод литературно-критический и историко-богословский не исключают, но взаимно дополняют друг друга (на необходимости параллельно использовать все методы экзегезы в своё время настаивал преподобный Максим Грек). Здесь следует вспомнить, что отец Александр Мень непосредственно участвовал в подготовке уже упомянутого брюссельского издания Библии, снабжённого обширным научным и богословским аппаратом.

“В Св. Писании мы имеем *два аспекта* – человеческий и божественный. Последний относится к глубинам Откровения, к самой непреходящей его сущности. Для постижения этой сферы Библии прежде всего требуется глубокая духовно-нравственная подготовка. Поэтому толкования Святых Отцов и подвижников благочестия остаются для христианского сознания вечной ценностью. Человеческая же, земная форма Св. Писания нуждается, кроме того, в исторической экзегезе, использующей многие вспомогательные дисциплины”[77]. Отцу Александру дорога именно богочеловеческая природа Священного Писания, единство в нём Слова Божия и слова человеческого, гармония боговдохновенности и исторической индивидуальности многочисленных библейских авторов.

Тому, кто впервые берёт в руки Библию, отец Александр рекомендует начинать с чтения Евангелия, потом уже браться за Ветхий Завет, а затем, вернувшись к Евангелию, читать остальные книги Нового Завета. Здесь проявляется присущая всему богословию отца Александра Меня христоцентричность. Кроме того, он напоминает, что “Ветхий Завет *не должен быть принимаем целиком*, а должен *проверяться* при свете Нового. Это самый верный критерий”[78]. Высшее выражение духовной жизни Ветхого Завета

---

[77] Прот. А. Мень. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни. М., 1991. Том 2. С. 330.
[78] Там же. С. 332.

Протоиерей Александр Мень

– Псалтирь, с особой полнотой вошедшая в новозаветную религиозность.

"Читать Священное Писание следует *ежедневно*. Прежде всего это касается Нового Завета. Его можно читать по частям или главам, на выбор, или в соответствии с церковными чтениями этого дня. К отрывку из Евангелия присоединяем чтение из Посланий. Из Ветхого Завета ежедневно читают псалмы. Остальные книги Библии следует читать с толкованиями, чтобы правильнее и глубже понимать смысл ветхозаветных книг и их соотношение с Новым Заветом. К чтению Св. Писания рекомендуется добавлять чтение из Св. Отцов или духовных писателей"[79].

Так же, как и митрополит Антоний (Блум), отец Александр Мень придаёт большое значение богомыслию над словами Священного Писания[80]. Такое чтение, сосредоточенное и неспешное, должно перемежаться молитвой ко Христу о просвещении ума. Но и само по себе вхождение в мир Слова Божия уже есть молитва. Так при глубоко личном отношении к каждому слову Писания чтение постепенно превращается в молитвенную беседу с Богом, и тогда чтение и молитва поддерживают и оживляют друг друга. Кроме того, индивидуальное обращение к Слову Божию дополняется его молитвенным чтением в "малых группах", которые отец Александр терпеливо создавал в своём приходе на протяжении десятилетий.

Итак, чтение Священного Писания отец Александр Мень включает в молитвенную практику, высшие ступени которой – безмолвная молитва в глубинах сердца, в частности, Иисусова молитва. В единстве целокупного таинства христианской жизни чтение Священного Писания ведёт человека к его Царю и Богу – Господу Иисусу Христу.

---

[79] Прот. А. Мень. Практическое руководство к молитве /2-е изд. М., 1995. С. 49 - 50.
[80] Подробнее о богомыслии и молитвочтении Священного Писания см.: Там же. С. 92 - 98, 118 - 121.

Заключение

"На Руси все православные знают, что кто Библию прочитал и "до Христа дочитался", с того резонных поступков строго спрашивать нельзя; но зато этакие люди что юродивые, – они чудесят, а никому не вредны, и их не боятся"[81]. Увы, эти слова из рассказа Н. С. Лескова "Однодум" (1879) и не гротеск, и не злая сатира. Но под православными писатель в данном случае имеет в виду "массы" с их коллективными представлениями. По настоящему самосознание Церкви открывается в людях, посвящённых Истине, Слову Отца (Ин. 17:17). Святые и праведники, как мы видели, постоянно говорят о необходимости чтения Священного Писания, хотя слова их порой и падают в терние или "при дороге".

Ходячее мнение о Библии, подмеченное Лесковым, определило и специфику значительной части тех рекомендаций, с которыми мы познакомились, а именно подчинённость их одной, сугубо пастырской задаче. Этот подход был в своё время суммирован в брошюре "Как читать Библию?", изданной М. А. Новосёловым в его "Религиозно-философской библиотеке" в 1907 году и переизданной в Москве в 1996[82]. Суть его в следующем. Читать Священное Писание необходимо, но только для жизни, а не ради исследований. Через Писание читающему таинственно подаётся освящение, чтение Слова укрепляет веру, определяет все этические и моральные нормы повседневной жизни.

Такой подход к Писанию, при всех его неоспоримых достоинствах, имеет один недостаток – гипертрофированный практицизм. Например, нет и речи о новых переводах Библии, достаточно и того, что даёт существующий Синодальный. Но труды преподобных Максима Грека и Мака-

---

[81] Н. С. Лесков. Собр. соч. в 12 тт. М., 1989. Том 2. С. 15.
[82] Как читать Библию? Свидетельства Отцов Церкви и церковных писателей о Библии. М., 1996.

рия Алтайского, святителя Филарета Московского, отца Александра Меня, а также многих православных библеистов, о которых здесь не было речи, указывают на более широкие горизонты в отношении к Священному Писанию. При этом именно практика – аскетическая и мистическая – является опорой для служителей Слова всех времён.

Быть может, именно эта сопряжённость интеллектуального и молитвенного постижения Писания и остаётся самым ценным в уроках, преподанных нам святыми, праведниками, духовными учителями Русской Церкви. Уверенность в спасительных плодах вхождения ума в молитвенное общение со Словом Божиим зиждется на ви́дении целостного человека в сиянии благодати. Слово, "растворённое верою слышавших" (Евр. 4:2), интегрировано в *целостную* христианскую жизнь, само чтение уже есть тайнодействие, соединяющее разрозненных детей Божиих воедино. Поэтому сегодня и завтра будущее Церкви в России зависит от действенности закваски Слова, воистину "пребывающего вовек" (1 Петр. 1:23), но ищущего в нас своих соработников.

Приложение

Схема ежедневного чтения Священного Писания Нового Завета, разработанная Оптинскими старцами и отредактированная отцом Сергием Мечёвым[83]

День	Евангелие	Апостол	День	Евангелие	Апостол
1	Матфей 1	Деяния 1-2	23	Матфей 23	1 Ин 3-4
2	Матфей 2	Деяния 3-4	24	Матфей 24	1 Ин 5
3	Матфей 3	Деяния 5-6	25	Матфей 25	2 и 3 Ин
4	Матфей 4	Деяния 7-8	26	Матфей 26	Иуда
5	Матфей 5	Деяния 9-10	27	Матфей 27	Рим 1-2
6	Матфей 6	Деяния 11-12	28	Матфей 28	Рим 3-4
7	Матфей 7	Деяния 13-14	29	Марк 1	Рим 5-6
8	Матфей 8	Деяния 15-16	30	Марк 2	Рим 7-8
9	Матфей 9	Деяния 17-18	31	Марк 3	Рим 9-10
10	Матфей 10	Деяния 19-20	32	Марк 4	Рим 11-12
11	Матфей 11	Деяния 21-22	33	Марк 5	Рим 13-14
12	Матфей 12	Деяния 23-24	34	Марк 6	Рим 15-16
13	Матфей 13	Деяния 25-26	35	Марк 7	1 Кор 1-2
14	Матфей 14	Деяния 27-28	36	Марк 8	1 Кор 3-4
15	Матфей 15	Иаков 1-2	37	Марк 9	1 Кор 5-6
16	Матфей 16	Иаков 3-4	38	Марк 10	1 Кор 7-8
17	Матфей 17	Иаков 5	39	Марк 11	1 Кор 9-10
18	Матфей 18	1 Петра 1-2	40	Марк 12	1 Кор 11-12
19	Матфей 19	1 Петра 3-4	41	Марк 13	1 Кор 13-14
20	Матфей 20	1 Петра 5	42	Марк 14	1 Кор 15-16
21	Матфей 21	2 Петра 1-3	43	Марк 15	2 Кор 1-2
22	Матфей 22	1 Ин 1-2	44	Марк 16	2 Кор 3-4

[83] Согласно этой схеме, цикл новозаветных чтений повторяется в течение года четыре раза. Если ежедневно читать также три главы из Ветхого Завета, он будет целиком прочитан в течение года. Начинать цикл чтения было принято в церковное новолетие – 1/14 сентября. Схема получена от наследников прихожан отца Сергия Мечёва; автор глубоко благодарен за содействие священнику Борису Левшенко и Марине Кирилловой.

День	Евангелие	Апостол	День	Евангелие	Апостол
45	Лука 1	2 Кор 5-6	68	Лука 24	2 Тим 1-2
46	Лука 2	2 Кор 7-8	69	Иоанн 1	2 Тим 3-4
47	Лука 3	2 Кор 9-10	70	Иоанн 2	Тит 1-3
48	Лука 4	2 Кор 11-12	71	Иоанн 3	Флм
49	Лука 5	2 Кор 13	72	Иоанн 4	Евр 1-2
50	Лука 6	Гал 1-2	73	Иоанн 5	Евр 3-4
51	Лука 7	Гал 3-4	74	Иоанн 6	Евр 5-6
52	Лука 8	Гал 5-6	75	Иоанн 7	Евр 7-8
53	Лука 9	Еф 1-2	76	Иоанн 8	Евр.9-10
54	Лука 10	Еф 3-4	77	Иоанн 9	Евр 11-12
55	Лука 11	Еф 5-6	78	Иоанн 10	Евр 13
56	Лука 12	Флп 1-2	79	Иоанн 11	Откр 1-2
57	Лука 13	Флп 3-4	80	Иоанн 12	Откр 3-4
58	Лука 14	Кол 1-2	81	Иоанн 13	Откр 5-6
59	Лука 15	Кол 3-4	82	Иоанн 14	Откр 7-8
60	Лука 16	1 Фес 1-2	83	Иоанн 15	Откр 9-10
61	Лука 17	1 Фес 3-4	84	Иоанн 16	Откр 11-12
62	Лука 18	1 Фес 5	85	Иоанн 17	Откр 13-14
63	Лука 19	2 Фес 1-2	86	Иоанн 18	Откр 15-16
64	Лука 20	2 Фес 3	87	Иоанн 19	Откр 17-18
65	Лука 21	1 Тим 1-2	88	Иоанн 20	Откр 19-20
66	Лука 22	1 Тим 3-4	89	Иоанн 21	Откр 21-22
67	Лука 23	1 Тим 5-6			

Оглавление

Предисловие 3

Глава 1. Свет сидящим во тьме 6

Святитель Иларион Киевский
Святитель Кирилл Туровский
Митрополит Климент Смолятич
Преподобный Кирилл Белозерский
Преподобный Нил Сорский
Преподобный Максим Грек

Глава 2. Писание Святое – мне и тебе! 16

Святитель Тихон Задонский

Глава 3. XIX век: преподобные, отшельники, старцы 24

Преподобный Серафим Саровский
Георгий Затворник
Преподобные Лев и Макарий Оптинские
Преподобный Макарий Алтайский
Преподобный Парфений Киевский
Святитель Игнатий Брянчанинов
Преподобный Амвросий Оптинский

Глава 4. XIX век: епископы Церкви 44

Архиепископ Антоний (Смирницкий)
Святитель Филарет Московский
Святитель Иннокентий Московский
Святитель Феофан Затворник
Епископ Михаил (Грибановский)

Глава 5. XIX и XX век: приходские священники 60

Протоиерей Матфей Константиновский
Святой Иоанн Кронштадтский
Священник Александр Ельчанинов
Священник Сергий Мечёв

Глава 6. Монашеская традиция в начале XX века 70

Преподобные Варсонофий и Никон Оптинские
Епископ Варнава (Беляев)
Преподобный Силуан Афонский

Глава 7. Слово, пребывающее во век 77

Схиигуменья Мария
Митрополит Антоний (Блум)

Протоиерей Александр Ильин
Протоиерей Александр Мень
Заключение 89
Приложение: Схема ежедневного чтения Священного Писания Нового Завета, разработанная Оптинскими старцами и отредактированная отцом Сергием Мечёвым 91